

№127 2015 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

СТО ТЫСЯЧ ЗА СУТКИ

14 августа на странице «Международного Мемориала» в фейсбуке появилось письмо:

«Дорогие друзья, спасибо вам огромное, мы действительно смогли с вашей помощью собрать необходимые 800 000 рублей! До окончания акции еще остается некоторое время. Если мы соберем больше денег, мы сможем напечатать больший тираж Книги памяти «Убиты в Катыни». Спасибо вам еще раз большое».

О том, как происходил столь быстрый и успешный сбор средств на издание книги, рассказали «30 октября» Наталья Петрова из пресс-службы «Мемориала» и Александра Поливанова, руководитель культурных программ.

Напомним, что 19 мая на прошедшем в конференц-зале «Международного Мемориала» заседании семинара «Государственный террор в СССР. Источники и методы изучения» председатель Правления «Международного Мемориала» Арсений Рогинский объявил, что «Мемориал» намерен издать Книгу памяти «Убиты в Катыни», собрав для этого деньги с помощью популярного сейчас краудфандинга (добровольного сотрудничества доноров, вносящих свои средства на осуществление того или иного проекта).

«Проект стартовал 18 июня на известном краудфандинговом портале planeta.ru, где раньше уже собирались средства на один из проектов «Мемориала». Всего требовалось собрать 800 тысяч рублей. Сбор денег планировалось закончить к символической дате — 23 августа, дню подписания пакта Молотова—Риббентропа, фактически давшего старт вторжению в Польшу, что привело к пленению польских офицеров и их гибели в Катыни, а издать книгу — 17 сентября, в день начала советского вторжения в Польшу в 1939 г.», — рассказала Наталья Петрова.

Проект поддержали своими выступлениями, размещенными на портале «Планета», журналисты Александр Архангельский, Максим Ковальский, Николай Сванидзе и Андрей Лошак, режиссер Иван Вырыпаев, графический дизайнер Борис Трофимов, основатель организации «Русь сидящая» Ольга Романова, политолог Екатерина Шульман и глава издательства НЛО Ирина Прохорова.

Желающие могли пожертвовать свои деньги в обмен на подарки организаторов проекта. Так, за 300 р. можно было получить холщовую сумку с картой «Топография террора. Москва», за 1500 р. — постеры с рисунками Виктории Ломаско или Бориса Свешникова, за 2500 р. — комплект «Топография террора» в 6 российских городах, а за 5 тысяч р. — альбом лагерных рисунков Б.Свешникова. Но в основном призами все же были книги. За пожер-

Окончание на с. 2 >

ТОТЕМНЫЕ ТАНЦЫ

Одновременно с дискуссиями о памятниках Сталину периодически возникает дискуссия о месте памятника другому персонажу — Феликсу Дзержинскому. На фоне споров общественности о месте установки странного нового памятника князю Владимиру на Воробьевых горах, когда одним из возможных мест стала называться Лубянская площадь, вновь был вытасчен из записок вопрос референдума о восстановлении на Лубянке памятника-тотема «железному Феликсу».

Напомним: памятник Дзержинскому был установлен 20 декабря 1958 г. в Москве на площади Дзержинского (сейчас Лубянской). В августе 1991 г. памятник, как символ советских репрессий, был демонтирован.

Впоследствии монумент установили в парке искусств «Музеон». За последние 14 лет вернуть Дзержинского на прежнее место комиссии по монументальному искусству при Мосгордуме предлагали не менее 7 раз.

24 июня 2015 г. Мосгордума одобрила проведение референдума по вопросу возвращения памятника Дзержинскому на Лубянскую площадь, с инициативой которого выступила в феврале КПРФ. Тогда коммунисты не получили поддержки от комиссии по монументаль-

ному искусству при Мосгордуме. Депутат от коммунистов Валерий Рашкин сообщил, что референдум предлагается по трем вопросам: о городской реформе здравоохранения, слиянии школ с детскими садами и возвращении памятника Дзержинскому на Лубянку.

Первые 2 вопроса депутаты Мосгордумы отклонили, а вопрос о Феликсе оставили. Коммунистам необходимо было за 30 дней собрать подписи 146 315 москвичей — 2% от общего числа всех избирателей Москвы — и сдать их в Мосгоризбирком.

20 июля Валерий Рашкин сообщил, что КПРФ удалось собрать более 150 тыс. подписей, но уже 21 июля московские коммунисты ре-

Окончание на с. 3 >

Людмила Алексеева, глава Московской Хельсинкской группы, член жюри конкурса, прокомментировала предварительные итоги конкурса для «30 октября»:

Я вхожу в инициативную группу, которая занимается проблемами, связанными с памятником жертвам политических репрессий. Был объявлен конкурс. Пришло много предложений. Из них отобрали 53. Из этих вариантов отобрали больше десятка. Мы должны из них выбрать наиболее симпатичный каждому из нас. При обсуждении этих вариантов я поддержала Наталью Солженицыну, которая говорила о том, что очень важно, чтобы памятник был понятным и любимым народом. У нас очень много семей, может быть, большинство, у них есть среди предыдущих поколений жертвы политических репрессий, если говорить о сталинском времени.

Лично я очень довольна тем местом, утвержденным московским правительством, которое выбрано для памятника. Это угол проспекта Сахарова и Садового кольца. Там довольно большая свободная площадка, где можно разместить не просто памятник, а целый монумент. Его будет видно с обеих сторон — и с проспекта Сахарова, и с Садового кольца. К нему, естест-

Окончание на с. 3 >

В НОМЕРЕ:

На Соловках повторили маршрут побега Созерко Мальсагова с. 4

Фоторепортаж с Дня памяти в Оренбурге с. 5

Комсомольск-на-Амуре: памятник деду — от внуков с. 6

Энциклопедия советского диссидентства с. 7

25 лет Закону о печати с. 7

ПАМЯТНИКАМ СТАЛИНУ НЕТ МЕСТА В НАШЕЙ СТРАНЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

И.В.Сталин правил нашей страной около 30 лет. При нем были уничтожены, сосланы, лишены свободы миллионы советских граждан.

В 1929—1932 гг., в ходе коллективизации и «раскулачивания», были уничтожены все крепкие крестьянские хозяйства. В результате Россия потеряла крестьянство, пережила катастрофический голод 1932—1933 гг. и хроническую нехватку сельскохозяйственной продукции в последующие десятилетия. Страна, когда-то обеспечивавшая хлебом Европу, стала закупать зерно за границей.

Во все годы своего правления Сталин планомерно уничтожал гуманитарную и научно-техническую интеллигенцию — интеллектуальную элиту России и других стран, вошедших в состав СССР. В результате — нарастающее научно-техническое отставание от США, Японии, передовых стран Западной Европы, экономика хронического дефицита и закономерный финал — низкий уровень жизни населения, всеобщая коррупция, повальное воровство.

В предвоенный период была уничтожена значительная часть командного состава армии. В результате — катастрофические поражения и неисчислимы потери в первые годы войны.

Это лишь отдельные последствия террористической политики Сталина и его окружения. В це-

лом же итог его правления таков: около миллиона человек казнено по политическим обвинениям, в подавляющем большинстве случаев фальсифицированным, не менее 13—14 миллионам были искалечены судьбы лагерями, ссылками, депортацией.

Террор продолжался все 30 лет сталинского правления. Перечисление уничтоженных в одном только Ленинграде и Ленинградской области людей занимает 15 томов «Ленинградского мартиролога». Это колхозники, рабочие, служащие, ученые, артисты, музыканты — представители всех слоев населения города и области. Пострадали не только люди, пострадали культура, наука, образование Ленинграда. Один только «кировский поток» — высылка «социально-опасных элементов», осуществленная по приказу Сталина после убийства С.М.Кирова, — нанес необратимый урон петербургским культурным традициям.

Сегодня в некоторых российских городах раздаются голоса, требующие установить памятники и мемориальные доски в честь главного палача России; средства массовой информации упоминают в этой связи Орел, Уссурийск, Красноярск, Брянск, ряд других населенных пунктов. Кое-где — в Липецке, в Тверской области — памятники Сталину уже установ-

Окончание на с. 2 >

18 августа 2015 г. премьер-министр РФ Дмитрий Медведев утвердил Концепцию государственной политики об увековечении памяти жертв политических репрессий. Среди заявленных задач проекта — развитие интеллектуального и духовного потенциала личности и создание условий для укрепления морального здоровья общества, в том числе путем формирования принципов деятельного патриотизма в партнерстве с общественными и религиозными объединениями.

В ходе реализации Концепции предполагается создать музейно-мемориальные комплексы и тематические экспозиции по истории политических репрессий, разработать учебные пособия и образовательные программы, создать базы данных, издавать книжно-журнальную и аудиовизуальную продукцию, осуществить ряд научно-исследовательских работ, провести конференции, семинары и т.д.

«НЕ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА, НО — СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЖЕСТ»

Эта программа принята в результате четырехлетних усилий Совета по правам человека (СПЧ) при Президенте РФ, который возглавляет Михаил Федотов. В феврале 2011 г. СПЧ подал Обращение на имя президента (тогда им был Дмитрий Медведев), подготовленное фактически Обществом «Мемориал» на основании многолетней деятельности.

Окончание на с. 2 >

ПАМЯТНИКАМ СТАЛИНУ НЕТ МЕСТА В НАШЕЙ СТРАНЕ

ЗАЯВЛЕНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОБЩЕСТВА «МЕМОРИАЛ»

➤ Окончание. Начало на с. 1

общества «Мемориал» Евгением Кирилловной Филковой, которая заявила журналисту, что, несмотря на то, что ее родители были репрессированы, она поддерживает идею об установке памятника диктатору в Ленинградской области.

Это подобно тому, как если бы в Камбодже лидер организации, восстанавливающей память о погибших от рук полпотовцев, предложил поставить памятник Пол Поту.

Мы не имеем никаких формальных организационных связей с Гатчинским «Мемориалом», но мы знаем, что несколько лет назад эта

организация принимала активное участие в реставрации памятника жертвам политических репрессий в Гатчине. Как совместить одно с другим?

Мы согласны с мнением председателя Ленинградского областного отделения Российской Ассоциации жертв политических репрессий Г.Дворникова, который назвал идею установки памятника Сталину в Ленинградской области кощунственной.

Мы солидарны с нашими коллегами из Правления «Российского Мемориала» и его Тверского отделения в их возмущении по поводу открытия подо Ржевом, на земле, политой кровью двух мил-

лионов советских солдат, дома-музея «гениального полководца», несущего историческую ответственность за гибель этих солдат, и памятника при этом «музее» («30 октября» в № 125 писала об этом месте — о том, что Сталин останавливался в этом доме всего на одну ночь и дома-музея по этому поводу там нет).

Мы поддерживаем заявление «Международного Мемориала» от 5 мая с.г. о недопустимости установки каких-либо памятников Сталину в нашей стране.

Санкт-Петербург, 30 июля 2015 г.
Правление Санкт-Петербургского общества «Мемориал»

СПРАВКА: «30 октября» в № 124–126 публиковала хронику восстановления и установок памятников Сталину. Продолжаем обновлять эту информацию.

8 мая 2015 г. установленный двумя днями ранее в Липецке у офиса КПРФ бюст Сталина был облит краской. Памятник Сталину липецким коммунистам в качестве подарка преподнесли однопартийцы из Северной Осетии. Всего в населенных пунктах Северной Осетии установлены более 20 бюстов Иосифу Сталину. Такой же бюст есть там, а также в Тамбовской области.

К 9 мая памятник Сталину хотели установить на его родине — в городе Гори, но местные жители, обратившиеся к властям с соответствующим запросом, получили отказ. Памятник в Гори, где расположен дом-музей Сталина, был демонтирован властями в июне 2010 г.

3 июля в деревне Хорошево Ржевского района Тверской области состоялось открытие памятника Сталину в рамках экспозиции военно-исторического музея «Калининский фронт. Август 1943 года». Министр культуры России Владимир Мединский, возглавляющий Российское военно-историческое общество, по инициативе которого был установлен памятник, написал в «Известиях» статью: «Мы должны перестать сваливать на Сталина все свои проблемы». В статье, в частности, говорится, что «место Сталина — в истории и исторической памяти». «Есть сама историческая эпоха — эпоха не только наивных заблуждений, «поворотов не туда», жестокостей и несправедливостей (чего, признаем, хватает в любые времена), но и немислимых свершений и Победы. <...> В ней есть великий народ и великий подвиг. И есть Сталин. Они — так сложилось — не отдельно друг от друга, не «благодаря», но и не «вопреки». Все вместе и без изъята — это и есть наша история. Вот это давайте оставим всем нам».

Отметим, что правозащитный центр «Мемориал» в Гатчине не имеет отношения к Российскому и Международному «Мемориалам».

Ранее против создания музея Сталина выступило Общество «Мемориал». Заместитель председателя совета научно-информационного и просветительского центра общества Никита Петров считает, что «образ тирана пытаются протиснуть под соусом победы в Великой Отечественной войне».

«Присвоение музею имени Сталина неприемлемо, потому что этот человек — тиран и виновник чудовищных массовых репрессий, — говорит Никита Петров. — В этом доме он побывал во время единственного выезда в зону, близкую к фронту. Но если бы были обнародованы все документы об этой поездке, люди бы увидели, сколько работников контрразведки и НКВД в ней участвовало. Так что в поступке Сталина нет ничего героического». («30 октября» писала об этом в № 125.)

В июле возникла новая проблема — с памятником Сталину в Пензе. Памятник был установлен в июле 2011 г. на территории обкома КПРФ в Пензе на проезде Дарвина. В июле 2015 г., в связи с переводом обкома КПРФ в центр города, туда же коммунисты собираются перенести и памятник, предварительно его отреставрировав. Проблема заключается в том, что власти не смогут, если захотят, повлиять на это решение, потому что территория, где планируют поставить памятник, принадлежит обкому и это значит, что коммунисты не должны согласовывать свои действия с администрацией города.

Председатель пензенского регионального отделения Общества «Мемориал» Татьяна Алфертьева назвала установку новых памятников Сталину грустными политическими играми, которые ведут к бесчеловечному обществу. По ее мнению, таким образом переписывается история. «Потому что Сталин как руководитель государства был прямо виновен в политике большого террора, в уничтожении крестьянства — посмотрите архивные документы, они доступны».

По материалам ИА «Интерфакс», ИА «Пенза-пресс», Агентства «Телеграф», «Известий», Интернет-издания «Кавказский узел»

Примечание «30 октября»: «Руководитель отделения правозащитного центра «Мемориал» в Гатчине Евгения Филкова поддержала идею установки памятника Сталину. «Несмотря на масштабные репрессии, а у меня родители были репрессированы, я отношусь к личности Сталина позитивно. Он 33 года руководил государством, прошел с ним сложнейшие периоды, и нельзя выбрасывать из истории такую масштабную личность», — убеждена правозащитница. — «Деловая газета Ленинградской области»

➤ Окончание. Начало на с. 1

твование 700 р. можно было получить книгу Е.Ельчина «Сталинский нос». Пожертвовавшие 750 р. могли получить книгу П.Леви «Канувшие и спасенные» или «Вечный тук» Натальи Бэббит. Жертвовавшие 900 р. могли получить книгу Лутца Нитцхаммера «Вопросы к немецкой памяти», освещающую вопрос отношения к прошлому в Германии, а жертвовавшие 1000 р. — книгу Дженнифер Донелли «Революция». Наградой за 1100 пожертвованных рублей была книга историка Никиты Петрова «Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954» с автографом автора, за 1200 р. — книга «Папины письма», в которой собраны письма репрессированных своим детям.

ния о том, что для сбора средств осталось лишь 10 дней, а этой суммы не хватает. Подобная оперативность — лучшее доказательство того, что тема сохранения памяти о репрессиях остается востребованной достаточно широкими слоями населения.

В основном речь шла о небольших пожертвованиях. Больше 300 анонимных спонсоров участвовали в издании без награды, внося сумму от 50 до 300 р. В пределах или чуть больше 1000 р. — более 80 спонсоров, а жертвования сумм от 2 до 3 тысяч р. — около 100, прокомментировала Александра. Самое крупное пожертвование — 7000 р., но его внесли единицы. Опции «спонсор проекта» (100 тысяч р.) и «меценат проекта» (500 тысяч р.) остались невостребованными.

СТО ТЫСЯЧ ЗА СУТКИ

Однако наибольшей популярностью, несмотря на довольно значительную цену — 1700 р., — пользовалась сама Книга памяти. Ее заказали 63 человека, каждый десятый из поддержавших проект.

«Те, кто выбрали это поощрение, смогут быть первыми получателями книги — 17 сентября на презентации в «Мемориале». Кроме того, до 25 июля (пока мы не сдали книгу в типографию) можно было поддержать проект на 2500 р. и попасть в список благодарностей. Это сделали 78 человек», — добавила Александра Поливанова.

Основной сбор средств был закончен на 9 дней раньше срока — 14 августа, когда было собрано 811 тысяч рублей. Издание Книги к этому моменту памяти поддержали 542 человека, некоторые не по одному разу. Причем последние 130 тысяч, несмотря на сезон отпусков, были собраны буквально за сутки — после появления 13 августа сообще-

Проект завершился 23 августа, было куплено 670 акций и собраны 888 460 р.

«Были достаточно трогательные истории, когда пожилые люди хотели участвовать в этом. Поскольку пожертвования принимаются через Интернет, нужна банковская карта. Не у всех она есть, не все пожилые люди хорошо с этим знакомы. Но все равно они пытались помочь изданию, делая все, чтобы деньги дошли, с помощью своих родственников или даже с нашей помощью. Это было невероятно трогательно», — подчеркнула Наталья Петрова.

Семен ЧАРНЫЙ,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: вход в Катынский мемориал. Фото из архива «Мемориала»

«НЕ ЦЕЛЕВАЯ ПРОГРАММА, НО — СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЖЕСТ»

➤ Окончание. Начало на с. 1

В Обращении говорилось о том, что более 20 лет в России существует общественное движение по увековечению памяти жертв политических репрессий. В это движение вовлечено много общественных организаций, граждан России. Региональные власти поддерживают инициативу ставить памятники, сами помогают в установлении памятников жертвам политических репрессий. Однако на уровне законодательства никаких норм, говорящих о том, что увековечение памяти жертв политических репрессий дело нужное, не было. То есть получалось, что государственные структуры это движение не поддерживали. Мы считали и считаем, что это неправильно, и предложили государству принять программу, где было обозначено 9 направлений, по которым много сделано общест-

венностью, а теперь пришло время подключиться и государству. Это установка памятников и мемориализация мест захоронений; придание лагерным захоронениям и захоронениям расстрелянных статуса, который до сих пор отсутствует; установка федерального памятника. Создание федерального Музея ГУЛАГа и вообще жертв политических репрессий. (До сих пор нет федерального музея, есть только региональные.) Необходимо раскрытие архивов более полное, чем то, которое сейчас имеется. Давно назрела необходимость создания общей, федеральной Книги памяти.

То есть были расписаны те направления, которые и так развивались в России, но только силами общественности при поддержке региональных властей, а на федеральном уровне такой поддержки не было. Поэтому и было инициировано это обращение.

С февраля 2011 г. в течение 4 лет в администрации президента обращение рассматривалось с разной степенью интенсивности. Президент Владимир Путин поддержал эту идею, и в декабре 2012 г. появилось его распоряжение о создании межведомственной комиссии, в которую вошли чиновники и представители общественности. Комиссия должна разработать основы государственной политики в деле увековечения памяти.

Ключевую роль в том, что Концепция принята, сыграли Совет по правам человека при президенте РФ под председательством Михаила Федотова и Комиссия по исторической памяти, которую возглавляет Сергей Караганов. Они не дали затухнуть этому процессу, периодически инициировали его вновь. Мы встретились с откровенным саботажем некоторых чиновников

на самых разных уровнях власти. Они не хотели рассматривать отдельные направления этой программы, был саботаж программы в целом. Это были те чиновники, которые не препятствуют появлению в стране памятников главному организатору репрессий — Сталину, открытию музеев, посвященных ему и его соратникам, продаже в книжных магазинах его портретов.

И хотя была известна четкая позиция президента, эти силы все-таки старались положить программу СПЧ под сукно. Несколько раз процесс работы межведомственной комиссии по работе над программой сходил на нет. Но Федотов и Караганов несколько раз возвращали программу из небытия, и наконец эта непростая работа была завершена принятием Концепции по исторической памяти.

Конечно, то, что принято, и то, что предлагалось 4 года на-

зад, разительно отличаются друг от друга. Но, тем не менее, это первый документ на федеральном уровне от исполнительной власти, в котором выражена поддержка процессу увековечения памяти жертв политических репрессий.

Это не конкретная федеральная целевая программа. В каком-то смысле это символический жест, демонстрирующий, что правительство Российской Федерации поддерживает деятельность, которая в течение 20 лет велась общественниками и которую на свой страх и риск поддерживали чиновники на местах. Сейчас эту деятельность поддержало федеральное правительство. В каком-то смысле принятие такого документа — это для нас победа.

Сергей КРИВЕНКО,
член Правления «Международного Мемориала»

ТОТЕМНЫЕ ТАНЦЫ

➤ Окончание. Начало на с. 1

шили отложить сдачу собранных подписей в Мосгоризбирком. По словам Рашкина, проводить референдум только по одному из трех заявленных в Мосгордуме вопросов коммунисты не хотят и считают нецелесообразным тратить средства городского бюджета на проведение плебисцита в «усеченном виде».

Смысл и значение ритуальных танцев вокруг места на Лубянке довольно точно описал Александр Подрабинек в статье «Феликс или Владимир»:

«Им что, заняться больше нечем?», — недоумевает западный наблюдатель, наблюдающий за этой веселой русской неразберихой.

И только давно живущие в России, отчаянно выживающие или успешно шагающие по жизни, понимают: выбор памятников прошлому — это выбор дороги в будущее. Кого чтим в своей истории, тот и будет указывать нам путь.

Власть, используя свои немалые пропагандистские мощности, ограничила дискуссию о памятниках в Москве двумя историческими фигурами: князем Владимиром и Феликсом Дзержинским...

Значительная часть общества не хочет видеть ни Феликса, ни Владимира. Первого, пожалуй, больше, чем второго. <...>

...Общественность между тем скептически относится к обеим кампаниям. Возможно, именно поэтому в последнее время схватки между клерикалами-патриотами и красными слегка поутихли. Первые под давлением местных жителей и университетского студенчества отказались от идеи установки памятника Владимиру на Воробьевых горах.

Вторые, столкнувшись с общественным неприятием Дзержинского, решили не сдавать в Мосизбирком собранные подписи в пользу проведения референдума. Ситуация замерла в неопределенности.

Пока на государственном уровне спорят о ритуальных Феликсе и Владимире, продолжается работа по увековечению памяти жертв репрессий. Подписанная премьер-министром Д.А.Медведевым 15 августа 2015 г. Концепция программы по увековечению памяти жертв политических репрессий не пред-

писывает внесения такой строки в госбюджет.

Тем не менее, продолжается конкурс проектов общероссийского памятника жертвам политических репрессий, итог которого будет объявлен 30 октября в новом здании Музея истории ГУЛАГа. 3 августа эксперты должны были отобрать 10 финалистов из 337 заявок, однако из-за различия в оценках жюри этот этап был отложен до сентября. На втором этапе конкурсанты представляют свои проекты в виде макетов и уже из этих 10 моделей определяются первое, второе и третье места.

В региональной работе по увековечению памяти ведется в основном частными лицами и общественными организациями. Так, проект увековечения памяти «Последний адрес», возникший как частная инициатива, превращается в общественно-значимое движение («30 октября» писала о первых табличках в Москве в № 122). Таблички с именами появляются не только в Москве, но и в Санкт-Петербурге, Перми и Таганроге, некоторые таблички уже успели украсть. На издание Книги памяти «Убиты в Катюни» «Мемориал» собрал деньги самостоятельно (подробнее на с. 1-2 — Примеч. ред.).

8 августа в Москве на Бутовском полигоне состоялась закладка первого камня «Сада памяти» — мемориального комплекса жертвам политических репрессий. Идея создания «Сада памяти» возникла еще в 2011 г., он создается также благодаря частной инициативе, и сейчас стартовал сбор пожертвований для того, чтобы довести его установку до конца, сказал Михаил Федотов, глава СПЧ.

День закладки был выбран случайно: 8 августа 1937 г. в Бутове был совершен первый массовый расстрел. Тогда был казнен 91 человек. Их имена, наряду с именами всех 20 760 человек, расстрелянных в Бутове за период с 8 августа 1937 г. по 19 октября 1938 г., будут увековечены в мемориале. Напомним, что «Международный Мемориал» вместе с общиной храма Святых Новомучеников и Исповедников Российских в Бутово выпустил 8 томов Книги памяти Бутовского полигона. Завершить работы по

созданию монумента планируется к 80-летию дня начала массовых расстрелов на Бутовском полигоне в 2017 г.

По материалам ИА «Интерфакс», РБК, Института современной России, Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека

На снимке: Памятник Дзержинскому сейчас находится в московском «Музеоне». Фото из архива «Мемориала»

Людмила Алексева, глава Московской Хельсинкской группы, член жюри конкурса, прокомментировала предварительные итоги конкурса для «30 октября»:

➤ Окончание. Начало на с. 1

венно, можно будет подходить. По моему убеждению, этот памятник должен быть таким: вот едет человек в машине — повернул голову, увидел памятник и понимает, что это именно памятник жертвам политических репрессий. Этот памятник должен быть понятным без расшифровки.

Все предлагаемые варианты — там есть пояснения, почему это надо понимать как памятник жертвам политических репрессий.

Скульпторам, которые над этим трудились, нужно понять: сейчас время умного искусства. В Америке и в Европе памятники именно такие. Нам хочется, чтобы памятник был такой, чтобы сразу было понятно: для чего и кому этот памятник. Среди тех вариантов, которые нам предлагали, такого памятника нет.

Был среди предложенных вариантов один-единственный, который мне запомнился. Но он не попал даже в пятьдесят три одобренных. Там была стена, в ней — решетчатое окно высоко, и из этого окна тянутся много человеческих рук. Не скажу, что это потрясающий или замечательный памятник. Но он удовлетворяет главному, на мой взгляд, критерию: понятность. Немедленная понятность. Достаточно посмотреть на этот памятник, чтобы понять — это памятник жертвам политических репрессий.

30 октября в Музее ГУЛАГа будут выставлены те работы, которые получили общее одобрение. Окончательное решение будет принимать не только инициативная группа, но и специалисты — скульпторы, архитекторы и т.д.

Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

РЕГИОНЫ

В ДУБОВКЕ ОБНАРУЖЕНЫ ОСТАНКИ БОЛЕЕ СТА ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

В конце июня в ходе ежегодной экспедиции воронежские поисковики нашли еще 2 расстрельные ямы в мемориальной зоне «Дубовка». В них находились останки 71 и 36 расстрелянных в годы репрессий.

По словам поисковиков, оба найденных в этом году захоронения сильно повреждены «черными копателями» еще в 1990-е годы. В более крупном захоронении, где находились останки 71 человека, обнаружены личные вещи, в том числе именные, что является большой редкостью. В основном сюда свозили уже убитых — после обысков, допросов и тюремных заключений. Поисковики считают, что этих людей расстреляли сразу после ареста.

«С ними не было кружек, ложек, тарелок, с которыми обычно захоранивали людей, какое-то время отсидевших в лагерях и тюрьмах. Только личные вещи», — пояснил руководитель поискового отряда «Дон» Михаил Сегодин. По ним специалисты надеются установить имена всех, кто был похоронен в этой расстрельной яме. Предположительное время захоронения, по словам Михаила Сегодина, — ранняя весна или поздняя осень 1938–1939 г., из-за плохого состояния костяка точно пока сказать невозможно.

По характеру найденных вещей поисковики предполагают, что

здесь похоронены представители интеллигенции. Вместе с останками они нашли кожаные плащи и куртки, пальто с меховыми воротниками, модельную обувь. Также в ямах были обнаружены личные вещи: мундштуки, расчески, 3 зубные щетки, 2 мыльницы, красивая трубка, отделанная серебром. Найденные военные сапоги и пуговицы от военной формы говорят о том, что среди расстрелянных было двое военных.

Среди вещей, по которым можно попытаться определить имена владельцев, поисковики нашли каблук с инициалами М.Г., подарочную зубную щетку, на одной стороне которой гравировка «Ольга», на другой — «Леонид», ложку с инициалами Н.В.И. и расческу, на которой выгравированы, вероятно, фамилия и инициал владельца — Иванов С.

Как сообщает пресс-служба Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий Воронежской области, на расширенном заседании комиссии в начале июля Михаил Сегодин пояснил: «Определенные артефакты, сохранившиеся рядом с останками, позволяют начать работу по идентификации жертв».

«Но чтобы установить личности убитых, поисковикам нужны расстрельные списки, которые хранятся в архиве УФСБ РФ по

Воронежской области», — уточнил на заседании Вячеслав Битюцкий, председатель Правления историко-просветительского общества «Мемориал».

Соответствующее обращение с просьбой предоставить списки расстрелянных для идентификации найденных останков жертв будет направлено в УФСБ РФ по Воронежской области.

Дубовка — лесная зона, в которой были найдены останки, — относится к федеральной собственности, и теоретически существует возможность передачи земель под застройку. Комиссия по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий Воронежской области решила начать работу по присвоению Дубовке статуса особо охраняемой территории историко-культурного назначения, чтобы избежать передачи земель. «До тех пор, пока вопрос о присвоении Дубовке особого статуса не будет решен, на местах вскрытых массовых захоронений необходимо установить информационные указатели», — говорится в протоколе заседания Комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий Воронежской области.

Торжественное перезахоронение найденных останков традиционно пройдет в Дубовке в День памяти жертв политических репрессий 30 октября 2015 г.

Напомним, первое захоронение в Дубовке обнаружили 6 сентября 1989 г. «30 октября» писала об истории обнаружения расстрельных ям в Дубовке в № 109, 122. Ежегодно поисковики находят на территории Дубовки новые расстрельные ямы. В 2014 г. было перезахоронено 135 жертв политических репрессий. По данным на 2014 г., на территории мемориального комплекса «Дубовка» располагаются 64 могилы, в них похоронены 3025 человек. Все могилы безымянные, за исключением одной. Установить личности захороненных в ней людей удалось благодаря найденному протоколу обыска. В нем

было указано имя священника Ивана Духовского. Документ позволил установить имена 47 человек, расстрелянных вместе с ним 17 декабря 1937 г.

Вячеслав Битюцкий, председатель Правления Воронежского общества «Мемориал», отметил: «Все были расстреляны где-то здесь, в соответствующих учреждениях НКВД. А сюда их трупы были вынесены, закопаны, законспирированы. Так, чтобы никто не знал об этих массовых действиях».

На снимке: одна из табличек в местах захоронений Дубовки. Фото из архива Воронежского «Мемориала»

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

— Только ненадолго, занята очень, — договариваясь о встрече, предупредила меня по телефону Марьям Яндиева. Я приняла это без возражений, потому что у самой субботний день был расписан по часам.

Как всегда, встретившись на Пушкинской, мы направились в кафе на Страстном бульваре. Как думали, на полчаса. Но шло время, официантка дважды меняла остывший кофе, а рассказу Марьям не было конца. Она рассказывала о своей поездке с сыном на Соловецкие острова. Своей первой поездке.

— Мы сначала прилетели в Архангельск, была экскурсия по городу. Повезли нас в Малье Корелы. Нас впечатлила изба, которая топилась по-черному, — такого у нас на Кавказе не встретишь. Вечером мы улетели на Соловки, прилетели поздно, и нас сразу пересадили на теплоход «Александр Шибалин» и повезли на Заяцкий остров. Было холодно и тихо, — вспоминает Марьям.

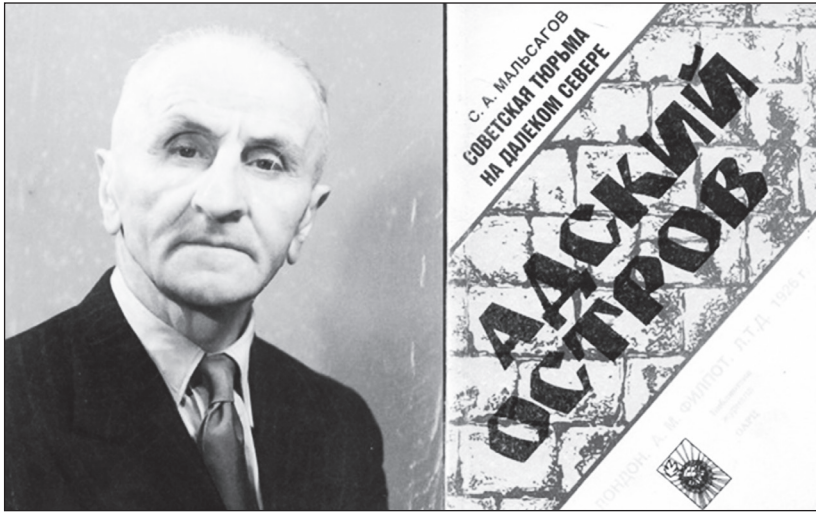
— Ты не представляешь состояния моей души, когда мы с сыном прилетели на Соловки (летом из Архангельска на Соловки летают самолеты). Этот край — целая планета. Суровый край, который может быть гостеприимным и очень добрым. Здесь удивительно чистое синее небо и яркая летняя зелень, которые как бы скрашивают незатейливые постройки, отсутствие привычных нашим глазам многоэтажных домов и верениц машин. Много паломников. Идущие навстречу нам люди, улыбаясь, здоровались. Мы так отвыкли от приветливых взглядов, искренней радости совершенно незнакомых тебе людей. Как будто мы приехали в гости именно к ним. Так было в далекие годы моей юности, когда я приезжала в родовое ингушское село моих родителей и видела, как приветливы были сельчане каждому прибывшему сюда незнакомцу.

Она замолчала. А я только тогда заметила, что все это время она не убирает руки с книги в скромном переплете. «Адский остров». Автор — дед Марьям Созерко Мальсагов.

— Да, книга деда, — заметив мой взгляд, слегка улыбнулась Марьям. — Знаешь, собирались с сыном, что называется, «в темпе вальса». Вроде, все собрано, сумка упакована, но чувствую, что-то не взяла, что-то важное... Книга! Конечно же, как без «Адского острова» лететь туда. Это же как путеводитель! Хотя я не знала, как будет распланирована эта поездка.

А мне это напомнило, как в Иерусалиме туристы и паломники сверяли путь Иисуса Христа на Голгофу по Библии.

— Конференция началась возложением венков к памятнику соловецким заключенным. Но меня тронуло до глубины души, как простые местные жители, паломники, туристы — совсем не участники конференции — принесли к памятнику, когда торжественная часть закончилась, букеты полевых цветов. Это они сделали от всего сердца. А когда около памятника никого не осталось, одна паломница

ЭТОТ КРАЙ — ЦЕЛАЯ ПЛАНЕТА

На Соловецком архипелаге и в Архангельске 13–14 июля проходили дни памяти Созерко Мальсагова. То, что имя Созерко Мальсагова выделено особо, — не случайно. В этом году 17 июля ему исполнилось бы 120 лет и 90 лет со дня его побега 25 мая 1925 г. из Кемского пересыльного пункта Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН). «30 октября» подробно писала об этом в № 123.

стала на колени и долго молилась, и слезы текли по щекам, а она их и не замечала вовсе, — Марьям опять замолчала.

За соседним столиком расположилась молодая женщина, видно, мама, с двумя мальчиками-погодками. Современные дети — пока мама делала заказ, уткнулись в планшет — что-то, видно, пытались найти в пространствах Интернета, толкая друг друга локтями. И вдруг раздались звуки музыки. «Адажио» Альбиони! — узнали мы с Марьям это потерянно-воскрешенное произведение.

— Мы вам не мешаем? — обратилась к нам молодая женщина.

— Совсем нет, «Адажио» отвечает нашему настроению, — улыбнулась в ответ Марьям. — Наверное, нет другой земли, где Жизнь и Смерть ходят так близко, рука об руку, как на Соловках, — уже обращаясь ко мне, сказала она. — В какие-то моменты мне казалось, что стонет земля. Ты знаешь, что сначала эту зону называли СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения, а потом назвали СТОН — Соловецкая тюрьма особого назначения. Поэтому, видимо, и раздаются стоны. Как называли, так и получается, — вздохнула она и ска-

зала, что выступивший на конференции заместитель губернатора Архангельской области Роман Балашов заметил, что на Соловках мы имеем уникальный сплав веры и страданий.

— Кстати, он не побоялся на конференции коснуться темы репрессий. Он сказал, что в 1980–1990-х годах начали искать палачей и жертв, требовать, чтобы потомки одних покаялись перед потомками других, это разъединяло общество. По его мнению, переосмыслить и

прийти к новому качеству восприятия этого огромного пласта нашей общей истории можно только через осмысление вершины, какой является подвиг новомучеников. И еще он очень красиво говорил про деда, — замечает Марьям. Потом вдруг вспоминает:

— Что же это я? Сейчас тебе процитирую, я же почти дословно записала его слова, — она роется в сумке и достает блокнот. — Вот слушай: «Соловки стали местом страданий и объединили людей разных конфессий и национальностей. Важен подвиг каждого конкретного человека. Сейчас для нас самой яркой и удивительной фигурой оказался Созерко Мальсагов. Он был блестящим офицером, примерным семьянином, человеком, который остался верен присяге. Оказавшись в Соловецком лагере, не пал духом — и ему удалось бежать. Это редчайший случай. Мы спрашиваем себя: через что нам укреплять единство российской нации? На мой взгляд, лучше всего через подвиг конкретного человека».

— И вот еще, — листает блокнот Марьям. — «Что помогло Мальсагову выжить? Это вера, это правильное отношение к своему долгу офицера и к такому понятию, как честь горца. И уникальный сплав качеств в этом человеке стал удивительным мостом, который соединил Архангельскую область и Ингушетию. Получилась мощная скрепа. Сейчас важны именно такие скрепы, которые объединяли бы всю нашу страну».

Марьям говорит, что конференция носила религиозный характер, организована была православным братством.

— Но, как мне рассказали, именно наместник Свято-Преображенского монастыря отец Порфирий, когда я к нему обратилась с предложением сделать целый блок, посвященный мусульманину Мальсагову, бесприсловно согласился с этим словами: «Это же наш человек, Созерко». Это меня тронуло до слез, — говорит Марьям.

Возвращаясь к выступлению Романа Балашова, она сказала, что благодаря ему был организован поход ингушских и архангельских молодых людей по маршруту побега с 10 по 12 июля. А в группе ингушей были потомки Созерко Мальсагова — Берс и Муса Саговы.

Муса рассказал, что девичья фамилия их бабушки Мальсагова и она была племянницей Созерко.

— У нас команда собралась спонтанно. Мы с братом добрались до Кемпи, там встретились с архангельской командой и пошли в лес. Была у нас «служба тыла», которая нам готовила походную еду. Ночевали в палатках, вечерами сидели у костра, а днем шли по маршруту, кормили комаров — этого добра там хватает, — смеется Муса.

Проходя через болото, Муса провалился, и его стало затягивать.

— Брат схватил меня за руки, тащит, да не получается, сапоги совсем увязли. Он кричит, — не цепляй сапоги, оставь их! Но вытащили меня с сапогами. Я отдышался и пошел дальше. Три дня мы шли. За это время сдружились,

почти как родственники стали. Мы на себе ощутили, что такое идти через лес, болото, притом не зная местности, практически наугад, без еды, как шел Созерко со своими товарищами. То, что они тогда сделали, — это по-настоящему подвиг... Запомнил и этот поход, и разговоры у костра. Говорили о разном: они спрашивали про Созерко, нам были интересны истории из их жизни. Эти дни останутся в моей душе на всю жизнь, — говорит Муса.

— Два дня конференции были очень насыщенными, — продолжает Марьям. — Организаторы подготовили ее на самом высоком уровне. У меня не было как такового доклада, просто рассказала о жене Созерко, которая всю жизнь ждала своего мужа, верила, что он жив и что вернется. О дочерях и внуках, о письмах, которые присылал Созерко из Лондона.

История жизни Созерко Мальсагова и его семьи уникальна, и не удивительно, что биография офицера царской армии, который остался верен присяге, заинтересовала кинематографистов: режиссер Александр Трофимов совместно со сценаристом Александрой Ходоновой начали работу над полнометражным игровым фильмом, в основу которого легла тема массового побега из Соловецкого лагеря. Хочется, чтобы фильм о Созерко снимали люди с доброй душой и горячим сердцем, понимающие менталитет нашего народа, — говорит Марьям.

...Уже неоднократно звонили телефоны — то Марьям, то мой. Наши полчаса растянулись на три. По дороге к метро Марьям рассказала еще об одной встрече там, на Соловках.

— Разговариваю с капитаном теплохода о погоде. И вдруг он спрашивает: «А кто вы?» Отвечаю, что потомки Мальсагова. «А, знаю, вы — ингуши. Я читал его книгу «Адский остров». Вот такая встреча. Знаешь, я верю, что каждый из нас связан с Соловками — жизнью или смертью, историей своих предков или целого народа.

Научно-практическая конференция, посвященная узникам соловецких лагерей, которая проходила на Соловках 13–15 июля, была организована Соловецким музеем-заповедником, Товариществом северного пароходства, а также правительством Архангельской области. В 2015 г. впервые за последние 10-летия дни памяти жертв политических репрессий, проводимые «Мемориалом» в августе на Соловках, прошли без участия музея, монастыря и администрации поселка.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел»
www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Созерко Мальсагов и обложка первого издания его книги. Марьям Мальсагова — в музее Соловецкого лагеря. Фото из личного архива Марьям Мальсаговой

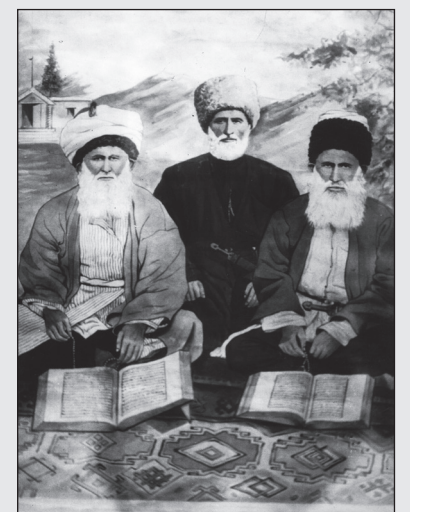
Конец июля — начало августа традиционно является временем дней поминовения на Соловках и в урочище Сандармох. «30 октября» стало известно, что в Москве проездом с Соловков в Чечню был внук одного из заключенных СЛОНА. Корреспондент «30 октября» Семен Чарный встретился с Рамзаном Кортаевым на вокзале перед отходом поезда в Грозный.

Семья Кортаевых уже двадцать лет ищет, но никак не может отыскать захоронение деда, репрессированного еще в 1920-х годах. Как рассказал «30 октября» Рамзан Кортаев, его дед, Исса Кортаев родился в 1865 г. или 1866 г. С конца XIX в. был муллой. На снимке он — в центре, справа — его отец, а слева — дядя. В 1927 г. был арестован и заключен в Соловецкий лагерь особого назначения. По сведениям, дошедшим до родственников, он в 1929–1930 гг. скончался в лагере.

«Но где это точно произошло — мы не знаем. Из тех 10 человек, кто хоронил, домой вернулись в 1930-х двое — Хахаев Даца Базаевич и Пайхаев Ширвани Пайхаевич. По их рассказам, в 1929 г. дед скончался и лагерное начальство разрешило похоронить его в отдельной могиле недалеко от лагеря (лесной командировки). На конверте письма, полученного в 1929 г. был указан адрес: 1 Северная ж\д г.Кемь Соловецкий лагерь УСЛОН ОГПУ; а на втором конверте — Октябрьская Ж\Д, Карельская АССР, г. Кемь, УСЛОН-2 ОГПУ».

И хотя в семье знали, что дедушка умер, но, естественно, в те времена ни говорить, ни тем более ездить на поиски его могилы в эти места было нельзя. Мы ездили туда, как только стало можно — с середины 1990-х годов. Сначала старшие братья ездили, потом я начал. Поскольку нам передали, что он был во втором отделении СЛОНА, то мы и искали его на Соловках. Никаких концов не нашли, хотя писали во все инстанции вплоть до МВД и ФСБ. В этом году мы решили, что, видимо, деда не было на самих Соловках, и решили попробовать в следующем году продолжить поиски в Карелии, где были отделения СЛОНА», — рассказал Р.Кортаев. Он выразил надежду, что наконец сможет найти могилу своего деда, чтобы выполнить его последнюю волю. «Дед просил тех, кто был рядом с ним, передать его родственникам, чтобы они обязательно перезахоронили его на нашем кладбище, когда обстановка в стране станет потеплее. Надеюсь, мне удастся найти сведения о нем или, может, кто откликнется из тех, кто его помнит».

На снимке: Исса Кортаев — в центре, справа его отец, а слева — дядя

ПАПОЧКА... ПАПА!..

Памятное мероприятие прошло на месте массовых захоронений 1930–1950-х годов в Зауральной роще Оренбурга. Почтить память невинно расстрелянных пришло около 100 человек. В акции приняли участие горожане, казачество, православные, мусульмане и городская администрация.

Автор фоторепортажа Вера Новожилова-Мытко так написала в комментарии к своему фотоматериалу: «Крайне тяжело было делать этот репортаж. Ну не имею я права наводить объектив фотоаппарата на плачущую старую женщину, что стоит, прижавшись к березке, и шепчет: «Папочка... Папа...» Родственники репрессированных протягивали мне печенье, конфеты и поминальные платочки.

Среди этих берез лежат двое дедушек моей свекрови. Многих семей коснулось это горе... Не дай бог такого нашим детям! Мира вам и добра, оренбуржцы!»

Напомним: в июле 1993 г. в Зауральной роще Оренбурга, где располагается кладбище жертв террора, был открыт мемориал в память о репрессированных. По самым минимальным подсчетам, под деревьями и памятными табличками лежат более 8 тысяч людей самых разных национальностей и конфессий, расстрелянных в годы сталинских репрессий. «30 октября» подробно писала об истории обнаружения захоронений в № 109,

Зауральная роща становится местом памятных мероприятий дважды в год: 30 октября, в день памяти и борьбы жертв политических репрессий, и каждую вторую субботу июля.

В митинге, посвященном Дню памяти жертв политических репрессий, приняли участие родные и близкие погибших, представители городской администрации, депутаты Оренбургского городского Совета. У места массовых расстрелов оренбуржцев собравшиеся почтили их память минутой молчания.

Александр РОЖДЕСТВИН, Оренбургский «Мемориал»

РЕГИОНЫ

Несколько лет назад в своей книге «Следы затоптанных могил» я написала:

«Уже сколько лет прошло, а они все ищут... Ищут следы, ищут могилы своих расстрелянных, брошенных в лагеря, отправленных на спецпоселения отцов, матерей, дядей, дедов... Ищут, обращаясь в официальные органы и в общественные организации.

Поиск захоронений жертв политических репрессий — это горькая память о прошлом, но это память, это один из показателей морально-нравственного климата в нашем обществе».

В феврале 1938 г. в системе ГУЛАГа был образован Восточный железнодорожный лагерь для строительства участка БАМа от Комсомольска-на-Амуре до Усть-Нимана (Ургала). Управление Восточного лагеря находилось в Комсомольске-на-Амуре.

В число строителей железной дороги в ноябре 1938 г. попал Акдраш Аманжулов, осужденный 30 мая 1938 г. по ст. 58-10, ч.1 и ст. 58-11 УК РСФСР на срок 10 лет ИТЛ с поражением прав на 5 лет. По национальности — казах. По социальному происхождению — бедняк. По социальному положению — колхозник, возраст — 61 год. После нескольких месяцев пребывания в Провинском ИТЛ (г. Гурьев) он был этапирован в Комсомольск-на-Амуре. После двухнедельного пребывания в комсомольской пересыльной зоне был отправлен на трассу строительства железной дороги. Судя по личной карте зачета рабочих дней за 4-й квартал 1938 г., Аманжулов болел 40 дней и не проработал в этом квартале ни одного дня: Аманжулов болел больше месяца, а в остальные месяцы квартала в рабочей карточке стоят прочерки. В январе 1939 г., работая чернорабочим в течение 20 дней, он выполнил месячную норму на 85%. А в феврале за 26 дней выполнил 100% нормы. Но непосильная работа подкосила и без того больного человека. В его медицинской карте есть запись, что он был отправлен на «легкие работы». «Легкой работой» в лагере считалась работа в сельхозколхозах, куда направлялись заключенные или в последней степени истощения, или в инвалидном состоянии. На лечение в лазарет № 2 Аманжулов поступил 7 июня 1939 г., а 30 июня того же года умер от энтерocolита.

Постановлением Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 27 августа 1959 г. уголовное дело Акдраша Аманжулова было прекращено в связи с отсутствием состава преступления.

...У Акдраша был всего 1 сын — Шаип. Но у Шаипа было 9 детей. И он сказал своим детям: «Я не смог выполнить свой долг: найти могилу отца и поставить ему памятник. Это должны сделать вы».

Поиск места, где захоронен его дед, взял на себя сын Шаипа Ибрагим Акдрашев, глава казахской строительной компании «НефтеСтройСервис», под началом которого работает до 5 тысяч человек. Его доверенным лицом стал Роман Рвач, его товарищ из России, из города Волжский Волгоградской области. Именно он обращался в российские УФСИНЫ (управления Федеральной службы исполнения наказаний) и собрал все необходимые для поиска места захоронения документы. В ноябре 2014 г. он обратился в Комсомольский-на-Амуре «Мемориал» с просьбой помочь отыскать место захоронения Акдраша Аманжулова. Поиск мест захоронений жертв политических репрессий — одно из направлений работы этой общественной организации.

Мы начали совместную работу по поискам захоронения Акдраша Аманжулова, для чего Роман неоднократно прилетал в Комсомольск. Проблема состо-

ОТ ВНУКОВ — ДЕДУ

яла в том, что местом, где умер Аманжулов, был указан лазарет № 2 Востоклага НКВД, но не было никаких уточняющих данных — названия населенного пункта, реки, километра на трассе. Даже поселок Старт еще не был назван. (Первая база Восточного лагеря на трассе будущего БАМа — место в 20 км от Комсомольска, которое заключенные начали осваивать в 1938 г., будет названо Старт, а позже переименовано в Хурмули. — Примеч. авт.) И пока мы не узнаем, где был расположен лазарет № 2, мы не сможем установить кладбище, на котором был похоронен Аманжулов. В справке, выданной УФСИНОм по Хабаровскому краю, значилось, что лазарет № 2 (а значит, и его кладбище) находился в районе Комсомольска-на-Амуре. По бамовской ветке таким кладбищем могло быть только одно — в поселке Старт, на окраине города.

Родственники написали заявление на имя заместителя главы администрации Комсомольска-на-Амуре И.М.Куликова (с приложением всего пакета документов, из которых было видно, что речь шла о месте лагерного кладбища) с просьбой о разрешении поставить там памятник. В ответ была получена инструкция, как надо ставить памятник на официальном городском кладбище в пос. Старт.

Пока мы искали подходы и подъезды к лагерному кладбищу, я отправила Куликову письмо с просьбой дать ответ по существу.

В это же время выяснилось, что архив УФСИНа указал местонахождение лазарета № 2 в районе Комсомольска на том основании, что управление Востоклага находилось в Комсомольске. Работники архива посчитали, что если управление Восточного лагеря находилось в Комсомольске, то все объекты лагеря находились в этом районе. Поиски кладбища лазарета № 2 начались заново.

...Подробности опускаю. Лазарет № 1, который был в поселке Старт, через несколько лет в результате очередной реорганизации лагерной системы стал больницей № 1. Значит, лагерная больница № 2,

которая появилась в военные годы в районе ст. Хурмули (не доезжая до нее 6 км), и была ранее лазаретом № 2. Именно туда и должен был попасть больной Аманжулов. Но это надо было еще доказать, а документов, хранящихся в Хабаровском УФСИНе, было недостаточно.

В Государственном архиве Российской Федерации удалось узнать некоторые подробности о деятельности Восточного лагеря за период его существования с середины 1938 г. до 1940 г.

Из объяснительной записки к годовому отчету лагеря за 1938 г. следовало, что лагерь «развернул к 1939 г. работы на фронте в 70 км, считая от Комсомольска». (Этот район будущей станции Хурмули. Поселок Хурмули находится в Солнечном районе Хабаровского края. — Примеч. авт.) Аманжулов, поступивший в лагерь в ноябре 1938 г., мог быть направлен только в лазарет № 2.

Кладбище лазарета № 2 находилось в 300 метрах. Таких кладбищ много разбросано по бамовской трассе. Это, скорее, комплексы кладбищ, состоящие из захоронений заключенных, японских военнопленных и вольнонаемного состава лагерей. Одно из таких захоронений находится на 37-м км бамовского шоссе, но признаков кладбища уже давно нет. Территория его определена по архивной схеме.

Глава администрации поселка Хурмули Владимир Антанасович Бертонас, к которому родственники Аманжулова обратились за разрешением об установке памятника, с пониманием отнесся к этой просьбе. Мы начали подготовку к установке.

А тут подоспел и второй ответ от И.М.Куликова, который сообщил, что решение данного вопроса (об установке памятника) не относится к его полномочиям.

Родственникам Аманжулова очень повезло, что могила Акдраша оказалась в Солнечном районе, потому что иначе им бы пришлось ждать еще месяц, пока в администрации Комсомольска определятся с тем, кто «уполномочен» и еще месяц, пока «упол-

номоченный» определится с решением (если определится).

Памятник решили поставить не на самом кладбище, а в 200 метрах от него, ближе к дороге, на поляне. Для отсыпки подхода к памятнику из Комсомольска привезли около 40 т щебня. Сам памятник из черного гранита был заказан в Хабаровской компании ООО «ГранитСтрой», генеральный директор которой Владимир Николаевич Захаров лично несколько раз приезжал и справлялся по поводу места установки памятника.

На открытие памятника прилетели внуки Аманжулова Хамза и Ибрагим и правнук Сулеймен, выпускник Лондонского колледжа. Ибрагим высыпал землю, привезенную из Казахстана, на кладбище, где покоится его дед. Взамен дальневосточная земля с места захоронения Акдраша будет рассыпана на казахской земле.

Ибрагим хотел, чтобы фильм об этой поездке был показан по казахскому телевидению. И желающих поехать с ним тележурналистов было более чем достаточно, но поездка откладывалась несколько раз. А тут — 6 июля, 75-летие Н.Назарбаева, президента Казахстана. Поэтому оператора пришлось пригласить из местных. Он снимал каждый шаг нашей группы, одним из членов которой был мулла Касим из Комсомольска, где построена мечеть (но еще не открыта, и о дате открытия пока неизвестно). После молитвы у памятника, согласно традиции, в жертву надо было принести барана. Но это сделали уже на территории мечети. Мясо раздали нуждающимся.

...Надпись на памятнике — на русском и казахском языках (воспроизведена только на русском. — Примеч. авт.):

Аманжулов Акдраш.
28.12.1877 — 30.06.1939.

Памятник установлен невинно пострадавшему от режима репрессий и похороненному на Братской Российской земле благодарными поколениями

Внуки — Мурат, Мұса, Идирис, Нұх, Ибрагим, Әнес, Омар, Сәбира, Мұслима.

Правнуки — Оспан, Батима, Гүлхан, Қалихан, Әселха, Айсулу, Назым, Қанат, Рахметолла, Дариға, Қалиолла, Әмина, Сулеймен, Ысқақ, Бақытжан, Ислам, Қарлығаш, Айша, Жусин, Зинел-Ғабиден, Мұханбет, Айкөркем, Дәукен, Иса, Ақмарал, Әсия, Жұмагул, Сара, Әдил, Мәди, Лейла, Бақдаулет, Нұрдаулет.

Правнучки — Айзер, Бекдаулет.

Комсомольск-на-Амуре 2015

Это памятник родоначальнику большой семьи. Это памятник человеку, ставшему жертвой политических репрессий. Это памятник первостроителю БАМа.

И пусть об этом узнают люди, которые обязательно останутся у памятника и подойдут к нему.

Между тем

Родственники Аманжулова побывали в Комсомольске-на-Амуре у памятного знака жертвам репрессий — закладного камня, установленного городским обществом «Мемориал» еще в 1990 г.

Узнав о том, что администрация города уже дважды не сдержала свое обещание установить постоянный памятный знак, Ибрагим предложил финансовую помощь, но с условием, что в проект памятного знака будут внесены элементы казахской культуры или сам проект будет создан казахскими архитекторами. В администрацию города, которой мы делегировали право на достройку памятного знака и которая приняла его, сообщили об этом предложении, но ответа пока нет.

Марина КУЗЬМИНА,
председатель Комсомольского-на-Амуре общества «Мемориал»

На снимке:
Слева направо: мулла Касим, Ибрагим, Хамза, Роман, Сулеймен.
Фото автора

СОВЕТСКИЕ ДИССИДЕНТЫ СЕСИЛЬ ВЕССЬЕ

9 июля в Москве в «Мемориале» прошла презентация книги французского политолога и профессора Реннского университета Сесиль Вессье «За вашу и нашу свободу. Диссидентское движение в России». На французском книга была опубликована еще в 1999 г., а в русском переводе вышла летом 2015 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» тиражом 1 тысяча экземпляров. Участники встречи высказали мнение, что описываемые в книге события актуальны в современном российском контексте.

ское общество от внешнего мира и от дореволюционных корней, пока народ был опутан пеленами казенного языка и, главное, казенной мысли, а потому не мог в полную силу размышлять... диссиденты вновь извлекли на свет основные ценности: свободу, истину, человеческое достоинство».

Как рассказала на презентации сама Сесиль Вессье, над книгой она работала 5 лет. «Это была моя диссертация, которая была опубликована в 1999 г. После 2 издателя предложили мне выпустить книгу в России, но не получилось. В итоге прошло 16 лет, пока она была опубликована в России», — рассказала автор.

Между тем, по мнению Сесиль Вессье, в конце 1999-го — начале 2000 г. книга не была бы столь интересна, как сейчас. «У россиян тогда были другие проблемы, другие интересы».

Рассказывая о том, как проходил сбор материалов к книге, которую впоследствии эксперты назвали энциклопедией диссидент-

ского движения, Вессье отметила, что многим ей помог архив «Мемориала», в котором она сидела месяцами. Также это литература: книги, тексты, журналы, издававшиеся в самиздате. Было много и личных встреч с диссидентами и их детьми во Франции и Москве.

Российский источник

О «феномене реактуализации этого опыта, который, к глубокому сожалению, мы наблюдаем просто на наших глазах», говорила Ирина Прохорова. По ее словам, в настоящее время мы все чаще слышим ту же риторику, которая звучала в отношении правозащитников в советское время. Приведя для примера разговоры людей о том, что в стране должно быть единомыслие, она отметила, что инакомыслие опять может быть подвергнуто репрессиям.

Ирина Прохорова заметила, что в книге речь идет только о российском диссидентстве, поскольку именно в России оно зародилось, здесь сложились его принципы, общие для диссидентов на всей территории СССР и Восточной Европы.

«Книга Сесиль Вессье, которая была принята в издательство год с небольшим назад, тогда еще рассматривалась мной как замечательная, может, первая в своем роде книга, описы-

вающая историю диссидентского движения. Я тогда полагала, что это важная часть нашей исторической памяти. Сейчас же, когда книга вышла, я бы сказала, что она архиактуальна. Это говорит о том, какой печальный, но очень большой труд проделало наше общество за последние год-полтора», — констатировала Ирина Прохорова.

С этим мнением согласилась и Сесиль Вессье, отметив, что в России наблюдаются тенденции, напоминающие и возвращающие российское общество в 1930-е годы.

«Мне кажется, что просто до сих пор этот период не был осмыслен до конца. Люди, особенно в России, не поняли до конца, в чем состоит опыт, и не передали его следующим поколениям», — отмечает автор книги. — Читая книгу, молодые люди, может быть, поймут, что нужно просто передать этот опыт вопреки всей пропаганде, которая все больше набирает силу в России. Сказать о том, что диссиденты боролись и жертвовали свободой, здоровьем, чтобы их народ жил свободней, лучше, счастливее».

Энциклопедия диссидентского движения

Научный редактор книги Алексей Макаров отметил, что это своего рода популярная энциклопедия правозащитного движения в России. До сих пор известны не все имена и биографии участников диссидентского движения, неизвестно, что случилось с этими людьми. Но при этом, как признался Макаров, получилась книга-энциклопедия, которая читается на одном дыхании.

Как отмечали участники дискуссии, часто получается, что самые главные книги о России пишут иностранцы: Россию времен Николая I мы знаем по запискам Астольфа де Кюстина, о нравах и быте населяющих Россию народов узнаем из «Записок о Московии» Сигизмунда Герберштейна, ну и о большом сталинском терроре 1930-х годов читаем у Роберта Конквеста.

Как отметила Вессье, всегда проще писать о теме, от которой ты немного отстранен. «Ты вне этой культуры, но все-таки достаточно близко для того, чтобы это чувствовать и об этом рассказывать», — отметила она.

Переводчик книги Наталья Мавлевич отметила важные для нее аспекты книги: «Осмысление, которого не хватало, которое нужно именно с дистанции, своего рода взгляд со стороны. Тут чем больше проходит времени, тем понятнее», — отметила она.

По ее словам, осмысления опыта, пережитого участниками диссидентского движения, не происходило потому, что к этому не прикладывалось никаких усилий, «и сейчас все повторяется как страшный сон».

Карина ГАДЖИЕВА,
собственный корреспондент
интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Ирина Прохорова,
Сесиль Вессье
Фото автора

В тот день шел дождь, и пузырившиеся лужи говорили о том, что дождь будет затяжным. У входа в «Мемориал» на Каретном Арсеней Рогинский встретил нас словами: «А нам электричество отключили». И в самом деле, в конференц-зале, где должно было проходить заседание «круглого стола», посвященного 25-летию Закона СССР о печати, стоял полумрак. Свет от софитов, которые установили телевизионщики, был направлен на стол, за которым должны были расположиться выступающие. Но там пока никого не было. Присутствующих в зале журналистов было не так уж и много, но это как раз тот случай, когда значимость мероприятия определяется не количеством собравшихся, а их качеством. И сидели все в полумраке тихо, как ученики в классе, в ожидании света, зная, что впереди всех ждет действие интересное и увлекательное.

Кто-то стал зажигать свечи, полагая, что трещащие огоньки разгонят дождливый полумрак, который лился в большие окна зала, кто-то предлагал начать работу под свет софитов, как вдруг все встало на свои места: в зале стало светло.

«ДАВАЙТЕ НАПИШЕМ, ЧТО ПЕЧАТЬ СВОБОДНА, А ЦЕНзуРА ОТМЕНЯЕТСЯ»

— Ну вот, теперь можно начинать работать, — сказал Борис Беленкин, член Правления Международного общества «Мемориал», заведующий библиотекой «Мемориала», руководитель семинара «От цензуры и самиздата к Закону о печати», приглашая авторов Закона о печати занять места за столом. — У нас были семинары, посвященные самиздату, а сегодня мы проведем небольшой экскурс в те годы и вспомним, что происходило в печати до принятия закона. А затем авторы закона — доктор юридических наук профессор Михаил Федотов, член-корреспондент РАН Юрий Батулин и кандидат юридических наук адвокат Владимир Энтин — расскажут, как они работали над этим документом.

Со вступительным словом выступят руководители тех институтов, которые подготовили этот семинар. Это председатель Правления Общества «Мемориал» Арсеней Рогинский и Михаил Афанасьев — директор Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИИБ), — продолжил Борис Беленкин.

...Название «самиздат» появилось в народе как пародия на названия советских издательских организаций вроде «Госкомиздат», «Политиздат» и т.д. А Владимир Буковский дал самиздату свою характеристику: «Сам сочиняю, сам редактирую, сам цензурирую, сам издаю, сам распространяю, сам и отсиживаю за него».

Стихи Цветаевой, Мандельштама, Гумилева, Ходасевича, произведение Солженицына, Пастернака, Войновича и др. перепечатывали на машинке в четырех-пяти экземплярах на папиросной бумаге, а то и переписывали от руки, переплетали и передавали друг другу. Произведения этих авторов были запрещены в Союзе, поэтому многие держали самиздатские брошюры вдали от любопытных глаз. Но в домашней библиотеке Рогинских книжная полка, на которой стояли произведения Гумилева, Цветаевой, Галича и др.

в сафьяновых переплетах, была на виду.

— Эти книги были достоянием моих старших братьев и сестры, — рассказывает Арсеней Рогинский. — Так что моя молодость прошла среди традиционного юношеского самиздата. Однако были листочки, которые обязательно нужно было прятать. Но наступила перестройка. И больше ничего не нужно было перепечатывать, прятать. Появилось огромное количество листовок, газеток, отпечатанных то ли в типографии, то ли еще каким-то способом. Казалось, этот период с листовками и газетами тоже будет вечным, но он кончился, когда был принят Закон о печати, который дал дорогу в нормальную жизнь. Что потом произошло с этой нормальной жизнью, это совсем другой вопрос.

Говоря о самиздате, забегая несколько вперед, коснемся такого эпизода. Авторы закона спросили: какой первый самиздатский текст попал им в руки. Юрий Батулин назвал стихи, которые в то время в Союзе не публиковались: Марины Цветаевой, Александра Галича, Осипа Мандельштама. У Владимира Энтина знакомство с самиздатской литературой произошло через «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. А Михаил Федотов познакомился с самиздатом, будучи учеником седьмого класса!

— Одноклассник по секрету сказал, что в газетном киоске около метро Кропоткинская продается такой журнал, такой журнал! Там такое написано! Я спросил, а как называется? «Курьер Юнеско». После уроков купил этот журнал и прочитал нечто, что в Советском Союзе прочитать тогда было невозможно. Это была Декларация прав человека! — сообщил Федотов.

...В своем вступительном слове Михаил Афанасьев обратил вни-

Продолжение на с. 9, 11

На снимке: Михаил Федотов
и Юрий Батулин.
Фото автора

ИСТОРИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ

Предыстория

1 февраля 1977 г. вечером «взяли» Сашу Петрова.

Он встретился с Валерой Абрамкиным на остановке автобуса около дома, где снимал комнату. Саша взял у него рюкзак с литературой, ибо Валера отбывал куда-то на юг, подальше от всевидящего глаза Большого Брата. Когда автобус уехал, к Саше подошла парочка в форме милиции и спросила: «...Что у вас, товарищ, в рюкзаке... А то тут недавно была кража...» Петров ответил, что не знает, т.к. рюкзак не его. «Ага, тогда пройдемте с нами в отделение...» В отделении быстро «нарисовался» литературовед в штатском, который распотрошил содержимое... На стол была выложена горка дневниковых тетрадей и холмы машинописных тонких листов. Как потом оказалось, это были готовые экземпляры и заготовки для самиздатского журнала «Поиски».

Тот, что «в штатском», стал подробно допрашивать, что, где и почему... Петров не стал долго «ломать дурочку» и сказал, чей это рюкзак и как он познакомился с его хозяином. Держали его до 4 утра, а в 5 Саша был у меня и вынул из не совсем трезвого сна (до двух часов я расписывал «пулю» с соседями из симфонического оркестра Вероники Дударовой). Он сказал, что «за тобой скоро приедут»...

...Валера на следующий день после «взятия» Петрова был вызван (или приехал сам?) в это отделение милиции и написал какую-то «объяснительную», в результате которой ему что-то вернули, но основное — все, что было связано с «Поисками», — не отдали.

Петров уже почти 2 года работал в «почтовом ящике», а точнее — в жутко секретном ЦНИИАтомИнформе (Минсредмаш), куда он пришел ровно на мое место, уготованное мне совдеповским «распределением» после МИФИ. Но это совсем другая история. Главное на тот момент состояло в том, что всех будущих «секретных» дотошно проверяло ГБ до поступления на службу «его партийного величества», а потом постоянно, денно и нощно палло... Поэтому после этой «беседы» с «литературоведом» его могли, в лучшем случае, выкинуть с «белым билетом», а в худшем... Но прошла пара недель, затем месяц, и все было тихо. Его не вызвали даже после беседы в «Первый отдел» института. И мы потихоньку расслабились.

Светлые перспективы

Ближе к лету 1977 г. у меня заканчивался срок «распределения». Следовало подумать о смене обстановки и дальнейшем профессиональном росте, хотя покидать замечательный коллектив ВНИИКАНефтегаз (разгибляев, балагуров, скрытых внутренних эмигрантов, умниц и прочих младших и старших научных сотрудников, как правило, иудейской национальности и с большой фигурой в кармане) мне не очень хотелось... Тем паче, что именно здесь я получил свой первый опыт сосуществования бок о бок с разновозрастными персонажами, чей уровень интеллекта был куда выше среднего...

Мой «номенклатурный» отец, который после окончания сыном в 1975 г. «атомного» МИФИ через голову руководства Средмаша (чуть ли не через зампредов Совмина РСФСР) добился моего распределения в «открытую» нефтяную контору, принял близко к сердцу очередной запрос единственного позднего чада и через своего знакомого устроил мне собеседование с замдиректора ВНИИСИ Борисом Захаровичем Мильнером.

Г-н (тогда — товарищ) Мильнер был мне знаком по ряду статей в журнале «США: экономика, политика, культура». Мой отец, сын крестьянина из малороссийского Мариуполя, сколько себя помню, старался быть «в тонусе»: выписывал журналы «За рубежом»,

ЧТО СТОИТ НА ПУТИ В АСПИРАНТУРУ

Александр Базаря — участник исследовательских проектов «Мемориала», волонтер-редактор научного издания «Хроники текущих событий». Его воспоминания — личный пример того, каким непростым становился путь молодых людей и начинающих ученых, стоило им столкнуться с «Комитетом глубокого бурения».

«Однажды я просматривал выпуск «Хроники» за 1977 г. и наткнулся на репортаж о Валерии Абрамкине. (см. «Хроника текущих событий». № 44. с. 36). То, о чем говорилось в репортаже, мне было больше чем хорошо известно: случившееся затронуло и лично меня. Свои воспоминания я хочу посвятить памяти Валерия Абрамкина», — пишет автор.

Александр родился в Киеве в 1952 г. Учился в МИФИ. В 1970 г. первый раз попал на несанкционированный слет московского Клуба самодельной песни (КСП). Слет был организован Валерием Абрамкиным и его единомышленниками, которые отвергали комсомольский контроль над возникшим в 1960-х годах бардовским движением.

В 1971 г. Александр стал представителем КСП МИФИ в правлении Московского городского клуба самодельной песни. В 1977—1978 гг. он участвовал в печатании и распространении самиздатского журнала «Поиски». В 1978 г. он был принужден к увольнению с работы по указанию кураторов из КГБ, работал редактором в разных изданиях.

На снимке: в 1972 г. Поляна недалеко от станции Софрино (Подмосковье). XII слет КСП. А.Базаря с гитарой в группе КСП МИФИ. Впервые на этом слете группа Валерия Абрамкина выступила со сцены (а не у костра) с программой по Борису Пастернаку: история гонений поэта в связи с романом «Доктор Живаго» со стихами из романа и песней Галича «Разобрали венки на венки...». Чтобы дать «добро» на это выступление, руководство слета предварительно собрало «худсовет» из руководителей ряда групп (порядка 10 человек), который прослушал выступление группы Абрамкина на небольшой поляне. Мнения разделились почти пополам, но победила точка зрения: такую программу должны видеть все участники слета. В тот момент я однозначно поддержал Валерия и его ребят. ...Уже через несколько дней после этого выступления ребят из группы Абрамкина вызвали в партком и комитет комсомола МХТИ...

В каком-то смысле это было началом публичной правозащитной деятельности В.Абрамкина. После этого слета КГБ начал более плотно «опекать» самодельное движение авторской песни.

Фото автора

«Америка», покупал «Англию», а в начале 1970-х подписался на журнал «США». Отца очень интересовало, отчего Америка так сильно «рванула» в технологиях, в космосе и как так она достигла невиданного для СССР уровня жизни простого народа, одновременно становясь первой военной державой мира. Конечно же, его в первую очередь интересовало развитие сельхозпроизводства (и кредитование фермеров), но он внимательно читал статьи и по новым методам управления, и по информационным технологиям, все материалы по которым как раз и выходили за подписью Мильнера.

В июне 1977 г. я успешно влился в новый коллектив (мл. н. сотрудник лаборатории «Программно-аналитических методов моделирования развития народно-хозяйственных комплексов» или еще какая-то фигня в этом роде). ВНИИСИ был действительно в данном случае на 100% новым не только для меня: сам институт образовался только год назад, в 1976 г., и каждый месяц появлялись новые сотрудники. Саму эту контору можно без преувеличения назвать нерядовой: директор — академик Д.М.Гвишиани (сын генерала МГБ), зять Косыгина, зампред Комитета по науке и технике. Курировали институт (или он им подчинялся?) — Академия наук и вышеупомянутый комитет. Чуть позже я понял, что очень плотно его курировал и другой, куда бо-

лее могущественный комитет — КГБ, чью проверку на тот момент я успешно прошел.

Все лето я осваивался, определилась даже тема моей потенциальной диссертации — кусок «цельности» (или выкраденной?) из американских научных кругов работы по моделированию сложных социально-экономических систем. Объемный теоретический труд на английском, со множеством формул, привез мой новый руководитель — товарищ Игорь Ганин, член, конечно же, КПСС — из длительной командировки-стажировки в США. Себе он из этого плода американской научной мысли мечтал сделать докторскую, а мне, как помощнику в этом нелегком труде, — кандидатскую. А тут как раз и подоспело решение об образовании в институте собственной аспирантуры, и осенью открывался прием как в очную, так и в заочную «синекуру». Я, как сотрудник, конечно же, метил в заочную, ибо на рабочем месте писать «кирпич диссера» было очень удобно.

После подачи заявления мне на подготовку к экзаменам полагаются законный оплачиваемый месяц (на дому, в библиотеках и прочих зланных местах), но я, отвечая на просьбу Ганина, отпуск брать не стал, тем паче, что он мне сказал: «Саш, экзамен по специальности будет принимать ребята из соседней лаборатории. Вот тебе 2—3 темы, подготовься, чтобы не очень «плавать», а я тоже приду тебя под-

держать». Поэтому на успех «по спецухе» я был уверен 100%-но.

Экзамен не по теме

А получилось очень, как показалось мне на тот момент, странно: меня гоняли по всей теме «математические методы оптимизации», а Игорья Ганина — не было! С большим трудом я «выплыл» на 3 балла и страшно разозлился. Но «мобильников» тогда не существовало, и я не смог немедленно сказать ему все, что о нем думаю. Тем паче, что надо было на следующий день идти сдавать язык (на территории Академии наук). Получив 5 баллов по английскому, я несколько поостыл и решил выяснить с Игорем отношения позже, после экзамена по истории КПСС, который считал пустой формальностью. Для прохождения в аспирантуру хватило бы просто не провалить хотя бы один экзамен, а два самых сложных у меня уже были «в кармане».

И вот идет этот чертов экзамен. Отчего-то на территории ВНИИСИ. Сидит один экзаменатор, читает газету, все отчаянно списывают, выходят «в туалет». Когда подошла моя очередь, неожиданно в комнату зашел кадровик и стал что-то нашептывать экзаменатору. Тот кивал головой и помечал на бумажке. Я тогда не придал этому факту никакого значения. Как оказалось — напрасно. Вопрос я «оттарабанил» и довольный, что все экзамены кончи-

лись, вышел покурить. Настроение было приподнятое: аспирантам обещали полугодовую стажировку в Вене, в Международном институте системного анализа! Всех позвали обратно на оглашение результатов, которое производил совсем другой экзаменатор! Рядом с ФИО Базаря стояло — 2 балла! Я провалился! На мой закономерный вопрос: «А что, позвольте узнать, я ответил не так?» — тот пожал плечами и, не глядя мне в глаза, сказал: «Молодой человек, не я принимал у вас экзамен, а другой экзаменатор. Вам надо подать претензию в отделение истории КПСС в Академии наук, но не думаю, что у вас что-то получится...» Вот так практически я и не перешагнул порог аспирантуры.

Игорек появился на следующий день, но я не успел ничего ему сказать ни простыми, ни матерными словами, ибо он шепнул мне: «Выйди на улицу, тут я не могу с тобой говорить...» Тут только до меня дошло: не иначе как в дело влез своими лапами «Комитет глубокого бурения». Ежась на октябрьском ветру, Игорь сказал, поминутно оглядываясь и дрожа то ли от холода, то ли от страха: «Саша, ко мне тут на днях приходили... Сказали, что тебе здесь работать нельзя... Увольняйся по собственному, пока можно...»

На следующий день у входной двери в институт стоял кадровик и фиксировал время моего прихода. Я понял, что 2—3 опоздания или затаившийся «обед» будет стоить мне увольнения «по статье» типа «прогул» или «нарушение трудовой дисциплины».

Михал Иванович

Сдаваться просто вот так — очень не хотелось. Отцу, разумеется, я ничего не сказал, но вспомнил о его приятеле, который шумно и балагурно себя вел на его днях рождения и знал меня «с пеленок». Тогда, в 1960-е годы, он с семьей был долгие годы в командировке в ГДР, где работал в каком-то нашем представительстве (торговом?). На самом же деле, как я позже, ближе к концу школы, понял, Михал Иванович работал на КГБ. А точнее — на службу типа технической разведки. Помню, как, хорошенько поддав, в середине 1960-х он на нашей кухне показывал шрам на голове и говорил, что это след от пистолета (!) охранника, от которого он удирал на фирме «Сименс» (т.е. на территории ФРГ). В описываемое время, в 1977 г., он формально числился в Комитете по науке и технике, а работал на ГБ.

Иные выходы на знакомых сотрудников ГБ, тем паче имеющих отношение к ГКНТ, у меня отсутствовали, и я решил позвонить этому Михаилу Ивановичу и попросить о конфиденциальной встрече. У меня было 2 цели. Первая: чтобы он по своим каналам узнал, куда мне можно попытаться устроиться на работу, а куда соваться бесполезно. И вторая: понять, ограничится ли ГБ только моим увольнением из престижного института или они будут давить до каких-то иных репрессий.

Встретились мы, по моему предложению, на Пушкинской ул. (теперь — Б. Дмитровка) в кафе «Нева», которое богема тех лет называла «Хеба», на иностранном манер. Там собирались пьянствовать и общаться до закрытия метро музыканты и актеры из ближайших театров, кому не покарману были «Дом актера» и тому подобные заведения. Я с собой взял бутылку грузинского коньяка. Так, на всякий случай. И она пригодилась. Хотя как на это теперь посмотреть...

Заказали «по 100» и салатики. Михаил Иванович «принял», пожевал и спросил: «Ну что там у тебя?» Я взял с него твердое обещание, что он ничего не скажет отцу, а потом кратко рассказал о том, что ВНИИСИ подконтрольно его Комитету по науке и поэтому я хотел бы узнать по его гэ-

бэшным каналам, насколько серьезно меня «взяли за ж...» и где и на какую работу в принципе можно рассчитывать в этом государстве. А вдруг мне выписан от ГБ «волчий билет»? Он попросил имена, фамилии и обстоятельства... Я стал отнекиваться и даже хотел уйти. «Дурак, — говорил он уже захмелевшим голосом, — я же ничего не смогу толком узнать, пока ты не скажешь». Пришлось рассказать, что, скорее всего, проблемы начались из-за близких контактов с Абрамкиным. Он что-то циркал в блокнотике... Заказали еще «по 200», потом из-под стола разлили и мой грузинский... Короче, хорошо накушались. Конечно же, во время застолья мы сцепились и «по политике». Уже расставаясь у метро «Карла Маркса» (Охотный ряд), он, покачиваясь, хватал меня за грудки и говорил, что сам бы с удовольствием расстрелял таких, «как ты и твой Абрамкин».

Пришел я домой и ругал себя ругательно за то, что связался с гэбэшником и, наверное, только еще больше навредил и Валере, и себе.

Михаил Иванович не звонил, но на работе, к моему удивлению, произошли некоторые перемены. Кадровик перестал маячить у меня под носом и спрашивать, с какого числа я буду увольняться. Такое затишье продолжалось недели две, как вдруг на работу мне позвонил Михаил Иванович и попросил подъехать к нему в Комитет по науке (ул. Горького, ныне Тверская, около Главпочтамта).

Меня пропустили через боковую вход с переулочка, и я попал в очень странную комнату без окон. Потом я понял, что это была гэбэшная территория Комитета. Михаил Иванович сказал: «Ты располагайся, а я выйду по делам на пару минут». Сидя, оглядываюсь, и вот открывается дверь и ...входит какой-то неприятный тип с лицом крысы. Называет себя Петром Петровичем и кладет на стол какую-то папочку. «Где Михаил Иванович?» — спрашиваю я его. «Он скоро подойдет, а пока давайте поговорим. Я курирую ваш институт». И, открыв папочку, он стал спрашивать что-то типа: «А вот такого-то числа на слете (КСП) вы сказали... А почему Абрамкин...» Интересуюсь: «Это допрос?» Он: «Ну что вы, мы просто по-дружески беседуем. Вы ведь с Михаилом Ивановичем друзья?» Я вспомнил, как он у метро недавно хотел меня расстрелять, но промолчал. Решил для себя, что это неформальный допрос, а я читал инструкцию для диссидентов, как вести себя в таких ситуациях, и просто замолчал. Так продолжалось минут 20. Он стал нервничать и спрашивать: «А зачем вы пошли на контакт с Михаилом Ивановичем? Вы что, не хотите исправить ситуацию?» Тогда я попросил у него лист бумаги и ручку. «Ну, слава богу», — облегченно вздохнул он и вышел. Вернулся он через полчаса и сказал: «Ну, что там у нас?» Я протянул ему листок. Там было написано что-то вроде этого:

«По моим твердым моральным принципам и убеждениям я отказываюсь давать показания и описывать ситуации, связанные с поведением и поступками знакомых мне людей».

Его и так землистое лицо совсем посерело, и он, матерясь, вышел из комнаты. Минут через 5 пришел Михаил Иванович и стал меня ругать: «Я для тебя... а ты... подвел меня... я поручился за тебя...» — и в том же роде. Жутко злой на него, а если бы хотел «заложить» кого-то, то сделал бы это без его помощи... Он подписал мне пропуск (каюшь, боялся, что уже не выпустят) и сказал на прощанье: «Одумайся, антисоветчик. Даем тебе неделю».

Неделя прошла в глубоких раздумьях. Про потенциальную работу я так и не узнал. Абрамкину, скорее всего, хуже уже не сделал. Но

ГБ разозлил... Одно усвоил твердо: гэбэшникам, даже знакомым, ни в коем случае доверять нельзя.

Письмо наверх

Михаил Иванович назвал меня «антисоветчиком». Я давно раздумывал над этим глупейшим термином — печатью, коей клеймили всех без разбора: и убежденных коммунистов, которые пытались «улучшить систему», и откровенных западников. И решил написать Михаилу Ивановичу письмо «Почему я не анти, а просоветчик». Вкратце передаю основные мысли письма: «...Идея советов как народной избранной демократической системы в своей теории была прогрессивной относительно конституционной монархии... Большевистские советы могли стать частью новой русской демократии и превратиться в заметные элементы власти после окончания работы Учредительного собрания, чью судьбу, увы...» Помню текст, разумеется, не дословно. Вел к тому, что в действительности с 1918 г. страной управляют не советы, а Политбюро через обкомрайкомы, которые никогда и никто всенародно не избирал. И надо снова вернуться к реально выбранным советам, а партии отвести роль дискуссионного клуба. Короче, вывод был таков: я, в принципе, не анти, а просоветчик, каковым и предлагаю в дальнейшем меня считать. (Жаль, что само письмо с тех пор не сохранилось.)

Я позвонил Михаилу Ивановичу и сказал, что хочу передать ему письмо. Он заметно обрадовался, ибо считал, что я наконец-то одумался. Мы встретились около Комитета по науке, и я передал ему конверт.

На следующее утро меня на входе в ВНИИСИ ждал кадровик, который сказал: «Все, мое терпение кончилось. Пишите заявление. Пока — по собственному».

...Много позже я вычитал в «Хронике текущих событий» в репортаже о суде над А.И. Гинзбургом цитату из его кассационной жалобы: «Я отрицаю цель подрыва и ослабления советской власти в своих действиях. Я не вижу объекта для подрыва и ослабления. Если власть у Советов когда-либо и была, то она так подорвана всевластием партийного аппарата, что ее и властью не назовешь». Что удивительно — написано ровно в том же 1978 г.!

P.S. Через полгода после описываемых событий я узнал от отца, что к нему на работу в Госбанк на ул. Неглинной приходил некто в ранге то ли полковника, то ли подполковника и провел с ним разъяснительную беседу. Из коей отец узнал, насколько сильно его чадо вовлечено в «противоправную деятельность, направленную на дискредитацию советского строя». Ему также пояснили, что «органы», учитывая «правильное» (крестьянское) происхождение отца и его высокое положение в структуре правительства, считают пока принятие к его сыну меры (увольнение с работы в престижном НИИ) достаточными. Органы также надеются, что отец, в свою очередь, проведет по отношению к сыну разъяснительную работу, «дабы им не пришлось принимать другие, более серьезные меры». Иными словами — меня не арестовали благодаря «номенклатурности» отца.

Через полтора года, в декабре 1979 г., Валеру Абрамкина посадили по ст. 190-1 («Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский строй») на 3 года. В лагере, ближе к окончанию срока (в конце 1982 г.), ему «впаяли» еще 3 года по той же статье. Благодаря «легкому дуновению ветра Перестройки» в конце 1985 г. его отпустили.

Через месяц после описываемых событий, в июле 1978 г., я стал старшим научным сотрудником ВГБил, а точнее — сотрудником научно-исследовательского центра (НИЦ) при библиотеке им. Ленина.

«ДАВАЙТЕ НАПИШЕМ, ЧТО ПЕЧАТЬ СВОБОДНА, А ЦЕНзуРА ОТМЕНЯЕТСЯ»

➤ Продолжение. Начало на с. 7

мание присутствующих, что в работе семинара принимают участие представители трех поколений.

— Три поколения, три точки зрения на одно и то же событие: принятие Закона о печати. Один взгляд — участников события, авторов Закона о печати. Нам повезло, они здесь, перед нами, и у них есть свое представление о том, что это было за событие, как оно повлияло на окружающий мир. Вторая точка зрения — тех, кто помнит это время. Они не авторы, но они участники происходивших в то время процессов. Спустя 25 лет они имеют свое представление о том, что произошло тогда и как это было. Наконец, появилось третье, новое поколение. Здесь в зале оно представлено в небольшом количестве. Это не событие их жизни. Для них это уже история, и они имеют возможность посмотреть на это как на историю и анализировать этот процесс.

независимой прессы идет в геометрической прогрессии.

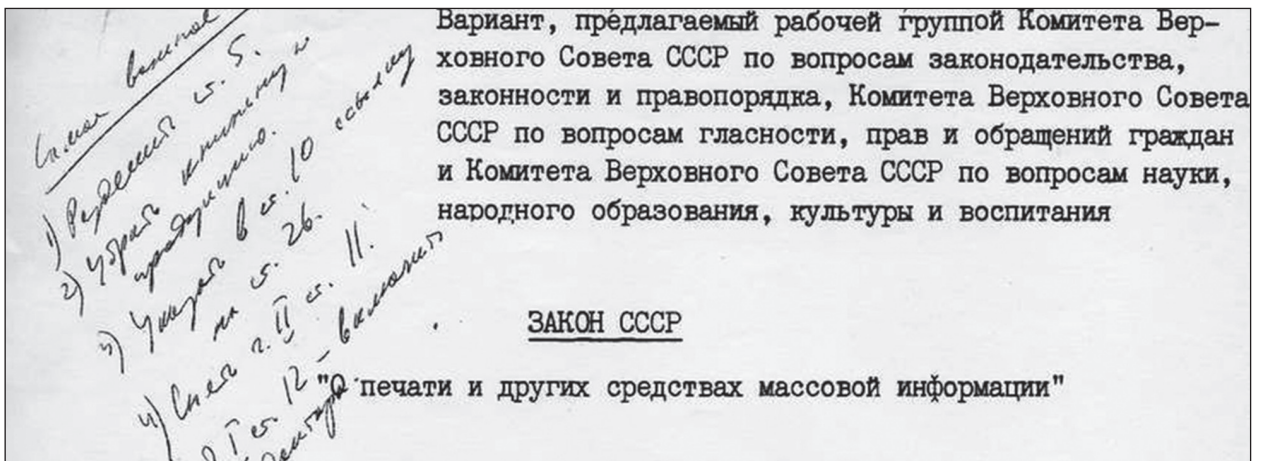
Анализируя появление независимых изданий в республиках Прибалтики, Струкова четко расставляет акценты: где все-таки были действительно независимые издания, а где таковыми называть их было ошибочно, ибо печатались они в государственных партийных типографиях.

— В 1990 г. в коллекции ГПИБ было рекордное число независимых изданий — 1642 наименования. Это время выборов народных депутатов. Но как раз в этом году многие газеты переходят на типографский способ печати. Газеты начинают регистрироваться и уже выходят как зарегистрированные издания политических партий и организаций.

По мнению Струковой, было бы ошибочно считать, что Закон о печати был воспринят неформальным сообществом однозначно. Замечательная поправка в законе о том, что до 999 экземпляров можно не регистрировать тираж, находит свое отражение в том, что многие га-

— Во время короткого периода с 1988 г. по 1992 г. в обществе присутствовал некий феномен: необычайное уважение к профессии юриста. Те, кому в эти годы посчастливилось работать юристами, испытали это удивительное ощущение максимальной востребованности. Нас приглашали на любые совещания и советы, чего бы они ни касались, не только Закона о печати. И тогда же были иллюзии, что все можно сделать с помощью Закона о печати. Главное — написать правильный закон. Мы присутствовали на очень многих встречах и на ТВ, и в редакциях, и всегда обсуждалась одна и та же тема: каким быть Закону о печати. Однажды, это было в «Московских новостях», мы сказали, что хватит говорить о том, каким он должен быть, этот закон. Нужно сесть и написать. Вот и прекрасно, сказали нам. Вот вы и напишите, — рассказывает Юрий Батурина.

По словам Батурина, ровно так все и происходило, как в известной песне Владимира Высоцкого:

Трансформация самиздата

Присутствующим был показан большой сюжет времен перестройки. Влад Листьев берет экспресс-интервью у продавцов многочисленных в то время газет, газеток и прочей печатной продукции. Сюжет был для многих узнаваем и вызвал оживление среди присутствующих. Да и следующая докладчица — Елена Струкова — поблагодарила организаторов за этот видеосюжет как иллюстрацию к ее выступлению. Елена Струкова — ведущая Центр социальнополитической истории ГПИБ, начала свое выступление, которое можно было бы назвать научным докладом, не совсем обычно.

— Провозглашенная в годы перестройки политика гласности дала мощный прорыв, изменивший советское общество и показавший, что возврата к монополии государства на периодическую печать уже не будет. Начинается трансформация самиздата в так называемую независимую прессу. В изданиях появляются достаточно острые статьи. Это массовые репрессии, неизвестные страницы истории, борьба с коррупцией — то, о чем в советской печати до этого не говорилось, — рассказала Струкова.

Елена Струкова привела данные о стремительном росте в стране независимых изданий: в 1985 г. в коллекции исторической библиотеки насчитывалось 6 изданий, на следующий год — уже 17. В 1987 г., который был назван годом невозврата и за которым уже следует другая эпоха, таких изданий насчитывалось уже 48. Качественный скачок произошел в 1989 г. В стране — тогда еще это был СССР — выходит 920 наименований независимых изданий. Рост изданий

зеты заявляли свой тираж как 999, а в Молдавии, в Гагаузии, даже выходила газета с названием «999».

— Закон о печати дает нам еще такой интересный факт: начинается процесс, когда новая пресса, зарегистрированные газеты, такие, как «Мегаполис-экспресс», «Деловой мир», как будто впитывают в себя талантливых журналистов из неформальной печати. Закон о печати открывал дорогу для профессиональной журналистики в новых изданиях, которые пришли на смену боевым листкам неформалов. Стал ли Закон о печати могильщиком неформальной прессы? Я думаю, что нет. Могильщиком неформальной прессы были все-таки события 1991 г., когда после неудавшегося государственного переворота 19 августа был нанесен смертельный удар по Советскому Союзу, который перестал существовать спустя 4 месяца. Была выполнена определенная задача, настала пора демократических выборов, и неформальная пресса постепенно уходила. Об этом можно спорить, об этом можно говорить. Мне кажется, что это одна из тем, которая еще будет обсуждаться, — закончила свое выступление Елена Струкова.

Романтики Закона о печати

— Представить себе, что в 1988 г. можно написать Закон о печати, в котором будет запрещена цензура, в котором будут обозначены реальные механизмы свободы средств массовой информации, — это нужно быть романтиками. Такими, как Юрий Батурина, Михаил Федотов и Владимир Энтин, — так ведущий представил участникам «круглого стола» авторов Закона о печати.

«Я кричал: «Вы что там, обалдели? Что ж вы уронили шахматный престиж!» А мне сказали в нашем спортотделе: «Ага, прекрасно — ты и защитишь!»

— Дело было летом. Этот проект закона рождался как стих, как песня. В течение недели собирались каждый день. Работалось легко. Мы просто знали, что и как надо писать. Все уже было столько раз оговорено на всех этих встречах в редакциях, что осталось просто изложить это на бумаге. Мы писали и получали от этого огромное удовольствие. В результате за неделю мы закончили эту работу. Закон был действительно хорош для своего времени, — считает Юрий Батурина.

А потом возникла проблема: где напечатать. Все попытки опубликовать закон в московских изданиях не увенчались успехом.

— И мы пошли обходным путем. Михаил Александрович уезжал в отпуск в Эстонию. Он договорился с эстонскими журналистами, и проект закона напечатали на страницах спортивной газеты на эстонском языке. А через 2 недели в газете «Молодежь Эстонии» проект был напечатан уже на русском. И началось «победное шествие» проекта Закона о печати. Его опубликовали все газеты, вплоть до Владивостока. Потому что было такое правило, что если уже одна газета напечатала, то можно было без оглядки на цензуру этот проект закона перепечатывать, — рассказывает Батурина.

Пришло время передать проект закона депутатам. Авторы имели пропуск в Верховный Совет и при-

Окончание на с. 11 ➤

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

«Сергей Алексеевич каждый день отвечал на множество писем людей, которые ищут хоть какие-то следы репрессированных родственников», — было написано в мемориальском некрологе о Сергее Ларькове. Незадолго до своего ухода в декабре 2014 г. Сергей Ларьков передал в редакцию «30 октября» письмо из Белоруссии, где рассказывалось о семье Кузьминых, с просьбой опубликовать эту историю.

Желание сохранить память о старшем поколении, чтобы новое знало свою историю, побудило Олега Ивановича Кузьмина еще в середине 1960-х годов начать выяснение судеб и поиск мест захоронений его отца, Ивана Яковлевича Заболотного, и дяди — Василия Алексеевича Кузьмина. В этом поиске ему и помогал Сергей Алексеевич. На неоднократные запросы в КГБ и ФСБ по Волгоградской области сообщить о судьбе родных ответ был один — нет архивных данных о местах захоронения казненных. Но фрагменты истории большой семьи, разбросанной по истории и географии, собрать все же удалось.

«30 октября» публикует этот рассказ как еще один фрагмент мозаики драматической истории страны.

КУЗЬМИНЫ ИЗ ДВОЕЗЕРОВ

Род Кузьминых начался на Владимирской земле — в деревне Двоезеры. 17-летнего Алексея Кузьмина родители решили женить и сосватать невесту — Наталью Зайцеву из соседней деревни Двойниково. И так, мужу 17 лет, жене — 16. В Муроме молодожены нанялись на лесопильный завод: он — пилющиком, она — кухаркой в артель. Алексей был смекалистый, грамотный, выучился в деревне у дьякона грамоте, поэтому хозяин лесопилки его приметил и поставил сначала старшим рабочим, а позднее перевел управляющим в г. Касимов Рязанской области.

Сыновья

Семья быстро росла. Родились сыновья Василий (1894 г.р.), Григорий (1898 г.р.), Владимир (1900 г.р.), Сергей (1902 г.р.).

В 1914 г. Алексея забрали на войну. В 1916 г. по ранению он вернулся домой. Когда сыновья подросли, хозяин лесопилки устроил их в Муромскую техническую школу при железнодорожных мастерских, где до обеда они учились несколько часов и несколько часов работали.

Григорий после окончания училища уехал в Москву, где продолжил учебу в техникуме. В 1916 г. забастовали московские железнодорожники, и к ним присоединились муромские.

Сыновья Владимир и Василий также участвовали в «заварухе» в Москве, скрывались от жандармов у Григория, который жил на Гроховской улице.

К 1917 г. отец перевез разросшуюся семью из Касимова обратно в Двоезеры: Анну (12 лет), Варвару (10 лет), Клавдию (8 лет) и 4-летнего Александра и приемную дочь Евдокию. К этому моменту стало голодно, и прошел слух, что «в

Сибири много хлеба». Отец с соседскими мужиками решил уехать туда. Чтобы прокормить оставшихся младших детей, мать, Наталья Павловна, пошла батрачить — надо было на холоде молотить хлеб и убирать лен. Простудилась, слегла, 3 дня поболела и умерла. Детей отдали по разным приютам. Евдокия приглянулась одной семье, и ее взяли на воспитание. Младшие дети отца невзлюбили за то, что оставил мать с детьми.

Владимир и Василий вступили в партию большевиков примерно в 1918 г. — они были в одном кружке, а Григорий и Сергей — в начале 1920-х годов. В Гражданскую войну братья ушли добровольцами защищать советскую власть. Их разбросало по разным фронтам. Василий, Григорий и Сергей воевали в Сибири с Колчаком. Владимир попал на польский фронт командиром роты, был взят в плен. Коммунистам приказали выйти вперед. Вышел Владимир, за ним еще 3 человека. Этим четверых зарубили шашками, остальных отстегали нагайками и отпустили.

В 1920 г. старшие братья Василий и Григорий ездил за младшими, искали их по детским домам. Отец к этому времени был снова женат, а у мачехи были свои дети. В новом хозяйстве у отца была одна лошадь, корова и пара овец. Сам Алексей Антонович был избран председателем колхоза «Заря», за что не раз был сильно бит местными.

Несмотря на то, что Алексей Антонович был председателем колхоза, а его старшие сыновья устанавливали новую власть, несмотря на то, что это была многолетняя семья, несмотря на то, что это было бедное хозяйство, местная власть решила все же отобрать и лошадь, и корову. Вмешательство одного из сыновей, Сергея, предотвратило беззаконие.

Василий

Брат Василий встретил октябрьский переворот (октябрьская революция). — Примеч. «30 октября») на броневике солдат-фронтовиков в Москве, освобождал Кремль от юнкеров. В зиму 1919 г. был в г. Уральске в частях Чапаевской дивизии. В 1920 г. его перевели на польский фронт. Под Минском он был ранен. После лечения снова был отправлен с отрядом иваново-франковских рабочих в чапаевскую дивизию. По рекомендации Фурманова Василий был назначен комиссаром полка. Когда погиб начальник связи дивизии, Василия назначили начальником связи, он хорошо знал аппараты Бодо, Юза (первые телеграфные аппараты). — Примеч. «30 октября») и умел их настраивать.

В конце 1921 г. Василия послали учиться в Москву, сначала на рабфак, после — в Горную академию. В 1929 г. он окончил учебу по специальности термическая обработка и был направлен в Америку на практику, на один из заводов Форда в Милуоки, а после возвращения его послали на Сталинградский тракторный завод. Василия назначили начальником термического цеха. Первый директор завода был старый большевик-подпольщик, товарищ Иванов. Завод построили — а кадров нет, некому работать. Вербовали рабочих повсюду, но большинство были неграмотные. Комсомольцев заставляли вести борьбу с неграмотностью, обучать нанятых рабочих. После 2 лет работы в «термичке» Василий стал начальником Центральной лаборатории СТЗ, а задом и редактором заводской многотиражки «За Сталинские снаряды».

В 1933 г. летом был подожжен кузнечный цех завода, кто-то пытался взорвать и ТЭЦ. Этот эпизод хорошо показан в фильме

«Клятва» (реж. М.Чиатурели, 1946 г.). Директора завода, главного металлурга и других начальников поснимали с постов. Василия вызвали в Москву, в наркомат машиностроения к С.Орджоникидзе, предложили пост директора СТЗ. Он отказался. А вот пост главного металлурга завода принял.

Директором завода был поставлен парторг товарищ Зыбин, не обладавший технической грамотностью. К новому директору прикрепили группу инженеров и стали его обучать. Василий учил его алгебре и металлургии.

Василий заставлял жену, Антонину Дикареву, учить политграммоту. Особенно ей не давалась статья «Что такое диктатура пролетариата». Было много бесед на политические темы, Василий говорил, что перестал понимать, что творится с политикой, что курс, намеченный Лениным, свернулся, партия взяла не тот курс. Когда с Дальнего Востока на СТЗ приехал герой Гражданской войны Иосиф Варейкас, состоялась большая партийная конференция, где Василий выступал. Пришел с конференции расстроенный, сказал, что делегаты разделились на 2 половины, в заводоуправлении пошли разногласия. Василий не был доволен руководством директора Зыбина.

Во время командировки в Ленинград Василий договорился на машиностроительном заводе им. Ворошилова о новом месте работы. В 1936 г. он сдал дела и переехал с семьей в Ленинград.

В 1937 г. на СТЗ начались массовые аресты и крупных начальников, и мастеров, и бригадиров. С работы и из квартир начали выгонять родственников арестованных. Затем завод совсем остановился.

Летом 1937 г. Василий был вызван в прокуратуру Сталинграда. При прощании жене сказал: «Куда я иду, оттуда не возвращаюсь, но я за собой вины не знаю». Его арестовали, обвинив в участии в «троцкистско-зиновьевской террористической организации». 6 февраля 1938 г. в 3 часа ночи на основании «Расстрельного списка», подписанного Сталиным, Молотовым и Кагановичем, он был расстрелян во внутренней тюрьме НКВД. Место захоронения неизвестно. Имущество в Ленинграде было конфисковано, семью выселили из квартиры.

В 1961 г. Василия реабилитировали.

В начале 1990-х годов в Волгограде сотрудник местной газеты «Мит» Сергей Серенко занимался поисками мест захоронений людей, расстрелянных в 1930–1940-е годы. Он вышел на бывшего сотрудника Центрального управления НКВД, знающего Волгоградскую область. По полученным сведениям, расстрелы производились ночью во внутренней тюрьме, а также за городом, примерно в часе езды от управления НКВД. В расстрелах принимали участие даже шоферы — «круговой порукой» были повязаны все. Туда же отвозили трупы казненных во внутренней тюрьме.

Евдокия

В 1924 г. Василий взял младшую сестру Евдокию из деревни к себе в Москву. После окончания 7 классов она поступила в ФЗУ при заводе «Москвашвей». С 1932 г. Евдокия работала на СТЗ контролером-браковщицей по проверке измерительных приборов в ОТК механического цеха. В 1935 г. вышла замуж за краснофлотца Балтийского флота Ивана Яковлевича Заболотного, 1912 г.р., из семьи казаков станицы Даниловская, что в 300 км от Сталинграда.

В 1937 г., когда на СТЗ начались массовые аресты, муж Евдокии был арестован, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Из-за пережитых событий у Евдокии раньше времени родился сын Олег — 19 октября 1937 г. В связи с останковкой деятельности завода она была направлена на завод № 182 в Махачкалу контролером ОТК. В 1940 г. она была уволена как «член семьи врага народа». Евдокия переехала в Выборг. А умерла в Бресте в 1993 г.

Братья

Григорий Кузьмин в Гражданскую воевал в Сибири в армии Блюхера, командиром моточастей. В 1922 г. в Москве учился на рабфаке, потом, после окончания Института гражданской авиации, работал в КБ самолетостроения на одном из военных заводов. С первых дней Отечественной войны служил в звании инженер-майора по строительству и восстановлению аэродромов. Был ранен при переправе через реку Буг, награжден орденом «Красной звезды». Жил в Москве. Из-за полученных ранений и контузии умер в 1957 г. А его жена умерла до войны. О судьбе их сына ничего не известно.

Сергей Кузьмин после окончания училища при Муромском депо в 16 лет ушел добровольцем на колчакковский фронт. После Гражданской войны сверхсрочно служил в Москве. В 1924 г. был вынужден вернуться в деревню и помогать отцу из-за увечий, полученных им от деревенских кулаков. В 1941 г. Сергей ушел на фронт, где пропал без вести при Курско-Орловском сражении.

Александр Кузьмин жил в Двоезерах. Он тяжело переживал смерть брата Василия, частые проверки сотрудниками НКВД отца и клеймо «члена семьи врага народа», из-за чего трудно было устроиться на работу. В 1938 г. он покончил жизнь самоубийством.

Судьба остальных членов семьи Кузьминых неизвестна.

Олег КУЗЬМИН,
г. Брест, Белоруссия,
по воспоминаниям своей матери,
Евдокии Алексеевны Кузьминой,
воспитанной в семье брата Василия
Алексеевича

На снимках:
Василий Кузьмин, 1935 г.
и 6 февраля 1938 г.
в Сталинградской тюрьме НКВД.
Фото из архива Олега Кузьмина

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

«МАГИЧЕСКАЯ СИЛА ТЕАТРА»

В здании «Мемориала» в Малом Каретном переулке по средам меняется наполнение — здесь проходят собрания людей, объединенных не только идеями и задачами «Мемориала», но и иной темой. Пожилых людей, которые прямо или косвенно являлись жертвами политических репрессий, приводит сюда их страсть — театр. Поэтому и звучат другие слова: постановка, режиссура, Ленком, МХАТ, концертный зал... Корреспондент «Кавказского узла» Татьяна Гантимурова записала рассказ Жанетты Чесноковой, руководителя театральной группы Объединения жертв политических репрессий «Московского Мемориала», о ее работе.

«Что же такое, спрашиваю вас, этот театр?.. О, это истинный храм искусства, при входе в который вы мгновенно отделяетесь от земли, освобождаетесь от житейских отношений! Вы здесь живете не свою жизнь, страдаете не своими скорбями, радуетесь не своим блаженством, трепещете не за свою опасность; здесь ваше холод-

ное «я» исчезает в пламенном эфире любви».

«Я недаром начала этот рассказ моей любимой цитатой из знаменитых «Литературных мечтаний» Виссариона Белинского. Пусть она немного великовата, но прочтите ее внимательно. Стоит ли удивляться тому, что люди ходили, ходят и будут ходить в театр? Но у всех

ли есть возможность посещать этот храм искусства в любое время, смотреть те спектакли, которые хочется? Стоимость билетов настолько велика, что не то что пенсионерам, даже работающим людям ходить в театры накладно», — сетует руководитель театральной группы.

Вот почему в 2002 г. в «Московском Мемориале» было решено со-

здать группу любителей театрального искусства. Впрочем, ошибочно было бы считать, что до 2002 г. в «Мемориале» не было театралов. Конечно же, они были. Но работа с ними велась бессистемно и хаотично. Когда в «Мемориале» поступали льготные билеты в театры Москвы, распределение их шло по принципу «кто успел, тот 2 съел». «Были обиды, слезы. Так продолжалось довольно долго, пока после очередной такой ситуации, когда было много обиженных и обделенных билетами, мы не решили как-то наладить эту работу и распределять билеты по справедливости. Начали с создания инициативной группы. Первый блин получился комом, и это начинание могло вот-вот уйти в небытие», — рассказывает Жанетта Чеснокова.

«И вот тогда решением большинства инициативной группы мне было поручено вести эту работу. Новым активом были составлены списки лиц, ответственных за работу по округам, которые, в свою очередь, составили списки активистов, ответственных за работу по районам. Одновременно были уточнены кураторы-активисты, работающие непосредственно с администрациями театров. Таким образом, мы создали структуру, в которую вошли люди, любящие театр и ответственные за порученное дело. И только когда прошла организационная работа, стало можно говорить о регулярной плановой деятельности нашей

Окончание на с. 11 ➤

«ДАВАЙТЕ НАПИШЕМ, ЧТО ПЕЧАТЬ СВОБОДНА, А ЦЕНЗУРА ОТМЕНЯЕТСЯ»

➤ Окончание. Начало на с. 7

существовали на заседаниях I Съезда народных депутатов. Но нужно, чтобы депутаты ознакомились с текстом проекта закона. И авторы набивали карманы пиджаков и брюк газетами, в которых был напечатан закон. Такие же газеты были и в папках. В зале, где проходили заседания ВС, они раздавали депутатам эти газеты с законопроектом. И так на каждом заседании, пока почти все депутаты не получили по газете с проектом Закона СССР (российский вариант закона вышел значительно позже).

Как проект Закона о печати стал законом, по словам Батурина, — это приключенческий триллер. О том, как прошел этот проект через депутатов ВС, как умные машинистки вычеркивали самые главные строчки и как с помощью шоколадок эти строчки восстанавливались, — это отдельный рассказ. Так или иначе, но 12 июня проект закона стал законом.

— 12 июня мой день рождения. Я никогда в жизни не получал лучшего подарка на день своего рождения, — сказал Юрий Батурин в заключение.

«Круглый стол» в МН

— Мы понимали, что подобная инициатива в Советском Союзе наказуема. Нам говорили, что нас, как минимум, уволят с работы, как максимум — посадят. Поэтому мы решили подстраховаться и под эгидой Союза журналистов провели «круглый стол» в МН, пригласили журналистов из разных изданий и спросили, что они думают о Законе о печати, и вообще нужен он или нет. Такие вот провокационные вопросы задавали, на которые мы уже знали ответы. Да, ответили дружно журналисты, нужен закон. А кто будет писать? Ну, давайте создадим рабочую группу. Создали, в нее вошли человек 15, но эта группа не собиралась ни разу. А мы просто продолжили нашу работу над этим проектом, — вспоминает Федотов.

— Второй этап — как этот законопроект выгнать из чернилницы. Пока он написан, напечатан на пишущей машинке — это самиздат. Надо было сделать его предметом общественного внимания. Мы ксерокопировали газету «Молодежь Эстонии», где было опубликовано проект, раздавали, но это было неудобно. Помогло то, что ЦК ВЛКСМ решил провести совещание редакторов молодежных газет со всей страны. Они приехали, нас пригласили. Мы пришли и принесли с собой ксерокопии газеты «Молодежь Эстонии» с опубликованным проектом, раздали редакторам, те опубликовали у себя. Но для обсуждения законопроекта в Верховном Совете нужен был более солидный источник с опублико-

ванным проектом. В это время появился приказ Госкомиздата СССР о возможности издания книг за счет средств автора, и мы издали свой законопроект, благополучно минуя цензуру, соответствующие отделы ЦК КПСС, используя при этом личные связи и доброе отношение к нам со стороны Георгия Шахназарова, который в то время был помощником Горбачева. И законопроект был опубликован брошюрой, — рассказывает профессор.

Первая попытка

Михаил Федотов рассказал о еще одной попытке создания Закона о печати:

— Она была предпринята в 1967 г. Законопроект был советский, кондовый, он обсуждался на заседании Политбюро осенью 1968 г. Заседание вел Михаил Сулов. И как нам рассказали очевидцы, он сказал такую фразу: «С момента отмены цензуры в Чехословакии до ввода в Прагу военной техники прошло всего несколько месяцев. Если мы отменим цензуру, кто будет вводить танки в Москву?» Михаил Сулов был абсолютно прав. Закон о печати был принят 12 июня 1990 г. (одновременно с принятием Декларации о суверенитете России), а 19 августа 1991 г. в Москву вошли танки.

Когда Закон о печати и средствах массовой информации вступил в силу, он взорвал систему партийно-государственных СМИ. До принятия закона все газеты и журналы не были юридическими лицами, а теперь по закону они, имея устав, становились не только юридически, но и хозяйственно самостоятельными. Закон о печати создал правовую базу. Плюс к этому в Законе было сказано, что каждый гражданин может стать учредителем СМИ.

Свидетельства о прекращении крепостного права

— С нами боролись по поводу этой нормы — жуть! Мы убеждали, что каждый человек обладает таким правом. И что правом быть учредителем СМИ обладают и трудовые коллективы, которые чудом, путем легкого обмана чиновников, попали в Закон. С 1 августа я работаю в Министерстве печати и информации и отвечаю за регистрацию средств массовой информации. То есть отвечаю за претворение в жизнь нашего закона. У меня перед кабинетом очередь главных редакторов, у которых в руках протокол собрания трудового коллектива и устав редакции, который принят этим коллективом. Я подписывал в день десятки регистраций, по сути, выдавал свидетельства о прекращении крепостного права. Вот что такое Закон о печати и СМИ. Мы им давали волю

ную. Но все ли использовали это право? Свободу можно подарить, но свободу нельзя навязать. Многие так и остались в том состоянии, в котором были до принятия закона. Они продолжают работать, мечтают, чтобы им повысили зарплату, и пишут то, что им говорят. Это их выбор, — сказал Михаил Федотов.

Нужен ли вообще такой закон

Владимир Энтин рассказывает: для того чтобы проект закона попал в повестку дня Верховного Совета, требовалось вначале провести обкатку идеи, нужен ли вообще нашей демократической стране такой Закон. По этому поводу в системе Академии наук шли ожесточенные дебаты. В конце концов на идеологическом фундаменте в ЦК КПСС была создана рабочая группа, которая размышляла над проектом Закона, который был не то что кондовым, а железобетонным. В нем главной свободой журналиста прописывалась свобода проводить линию партии.

— Было обсуждение в Академии наук, и я предложил: давайте напишем, что печать свободна, а цензура отменяется. Мне сказали, что это занятное предложение, но не совсем еще своевременное. Надо над этим подумать. Мы регулярно собирались, я регулярно вносил это предложение, его не принимали, но думать продолжали. Нужен был толчок к тому, что нужно не просто думать, но и писать другой проект закона, а не тот, который мы обсуждаем. И здесь, как говорится, сложилось так, что в Институте советского законодательства Министерства юстиции СССР мне дали тему «Свобода печати в политической системе современного капитализма» для работы над диссертацией. И работая над этой темой, я выявил любопытные закономерности: для современного капитализма характерно, что действующий режим СМИ гораздо более либерален, чем тот, что прописан в законодательстве. И это расхождение тем больше, чем более уверенно чувствует себя правящая группа. У нас же все наоборот. Если мы пойдем по этому пути и не будем максимально расширять предел свободы в проекте Закона о печати, то никакой свободы не будет в рамках административно-командной системы. Если нет законодательства и нет специального министерства, отвечающего за соблюдение данного закона, то никакие ширококвещательные вещи не сработают, — подытожил Владимир Энтин.

В условиях упорного противостояния российской и союзной власти возникало окно возможности, позволяющей продвигать наиболее либеральную версию проекта Закона о печати, потому что в этом случае соперничающие власти будут меряться

друг с другом либеральностью и демократичностью.

Теперь нужно было опробовать все эти благие идеи, довести и внести их в текст Закона. Для того чтобы выступить с альтернативным проектом Закона о печати, нужны были особые условия. Так получилось, что на тот момент удачно сложилась весьма своеобразная система возможностей. Существовала такая забытая всеми организация, как советская ассоциация политических наук во главе с Георгием Шахназаровым. А у него был любимый аспирант Юрий Батурин. Также в этой ассоциации был активный руководитель молодежной комиссии Михаил Федотов. Еще была группа людей, в частности Николай Федоров, который тогда был аспирантом Института государства и права, а потом депутатом ВС.

Руководителем партийной организации Института государства и права был Борис Лазарев, однокашник Горбачева и его доверенное лицо. Рассматривать нас как подрывных элементов было нелогично. И тем не менее была рекомендация со стороны райкома партии к партийной организации Института государства и права: рассмотреть вопрос о том, насколько партийным было поведение сотрудников этого института, которые выступили с альтернативным проектом Закона о печати и других средствах массовой информации. К чести парторганизации института, было решено считать эту инициативу своевременной и полезной обществу, а Юрия Батурина поблагодарили как члена КПСС за партийное руководство этой группой. Так что нерушимый союз партийных с беспартийными дал позитивные плоды.

Любой закон рассчитан на применение, на то, что он будет соответствовать имеющимся реалиям и тем реалиям, которые могут возникнуть в процессе его применения. СМИ бросили в воду. Многие научились плавать, другие ухватились за ту систему, которая была когда-то.

— Мы уже тогда видели все плюсы и минусы Закона СССР о печати и приступили к работе над республиканским вариантом этого закона, — сказал Владимир Энтин.

Президент Фонда защиты гласности Алексей Симонов, отметив, что авторы изложили «счастливую часть Закона, романтическую, прелестную, противоречивую, трогательную и где-то аферистичную», сказал, что «у нас есть Закон, но мало СМИ, вынужденных пользоваться этим Законом как краеугольной основой своего существования».

— Первый крупный недостаток, с которым мы столкнулись, — это то, что авторы мало представляли, что такое собственность, понятия не имели, как она регулируется и как Закон о собственности должен быть соединен с Законом о печати. Когда начались битвы за собственность между учредителем и СМИ, то Закон не мог помочь журналистам, потому что в Законе ничего об этом не сказано. Это наш давний спор, — предъявил претензии авторам Симонов.

С Алексеем Симоновым не согласился Юрий Батурин, пояснивший, что в процессе продвижения

законопроекта оппоненты, так же как и авторы закона, понимали, что такое собственность и «никак не хотели пропускать собственность в закон, просто стояли на смерти».

— Нам все-таки удалось ввести понятие «собственности» в Закон, разложив его на составные части: владение, пользование и распоряжение, — сказал Батурин.

«Мы не жалеем, что написали закон»

Василий Банк, независимый эксперт, сказал, что многих нынешних журналистов этот Закон о СМИ не устраивает.

— Может, с учетом вашего опыта нужно написать новый закон? Возможно, у вас есть уже готовый проект нового Закона о СМИ? Тогда его нужно опубликовать и предложить обществу для обсуждения.

Юрий Батурин: — Конечно же, российский Закон «О средствах массовой информации» не соответствует времени. Мы в 2008 г. сели и переписали этот закон. Более того, его даже приняли в ГД, даже рассматривали. Но с тех пор он так там и лежит.

Михаил Федотов: — Новый закон я бы сейчас делать не стал. Самое лучше, что можно сделать с Законом Российской Федерации о СМИ, — это его не трогать.

— Какие поправки можно внести в Закон, чтобы ситуация со СМИ улучшилась? — вопрос «Московского комсомольца».

Юрий Батурин: — Не надо думать, что если мы внесем какие-то поправки, то ситуация наладится. Это совсем не так. Как работает Закон, это не зависит от авторов, это зависит от общества и государства, где этот Закон применяется. Ценности поменялись. Сейчас выше денег ничего нет, и я не готов писать закон, исходя из того, что высшая ценность — это деньги.

Журналист Юрий Белкин: — Не жалеете ли вы о том, что написали Закон о печати?

Юрий Батурин: — То, что происходит сегодня с прессой, происходит вовсе не потому, что мы написали закон и его приняли. Закон — не панацея. Когда мы писали и союзный, и российский законы, мы исходили из очень простой задачи: хотели, чтобы хороший Закон о СМИ помог СМИ работать свободно и формировать культуру свободной прессы. Я надеюсь, что мы достигли какой-то цели. Даже хорошо написанный закон не может работать так, как хотелось бы. А наш Закон существует уже 25 лет. Но за это время в него внесено столько поправок, его в значительной степени обезобразили. Хотя несущая конструкция осталась. Не все зависит от Закона. Поэтому мы не жалеем, что написали такой Закон.

Татьяна ГАНТИМУРОВА, собственный корреспондент интернет-издания «Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru специально для «30 октября»

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

➤ Окончание. Начало на с. 10

театральной группы», — продолжает свой рассказ Жанетта.

«Мы как-то позабыли о таких понятиях, как культура производства, грамотная организация труда. Но это — составляющие успеха в любом деле, в том числе и в таком, как взаимодействие с театральными коллективами Москвы с целью получения от них льготных билетов, контрамарок и дальнейшего распространения их среди мемориальцев. Вот судите сами: все полученные от кураторов данные по театрам и кино-театрам о возможности их посещения, бесплатного или практически бесплатного (за минимальную цену), стекаются в совет театральной группы, который уже второе десятилетие

собирается еженедельно по средам, а при необходимости и чаще».

«Мы любим театр и стараемся этой любовью поделиться с другими, — продолжает рассказ Жанетта. — Уже много лет, практически со дня основания театральной группы работает с музыкальным театром Станиславского и Немировича-Данченко Генриетта Александровна Линнарт, а одна из старейших членов группы Наталья Соломоновна Палина в этом году добилась выделения благотворительных билетов в обновленный Большой театр. Это большая удача! В театральный сезон 2013/14 г. благодаря Раисе Харламовой мы имели возможность побывать в Кремлевском дворце съездов на концертах и балетах более 1000 раз. Вот свежая

статистика по числу распространенных билетов: с сентября по декабрь 2014 г. — 4594, с января по май 2015 г. — 4998, в среднем получается по 1000 в месяц, пока театральный сезон открыт».

Далее Жанетта Чеснокова выразила благодарность всем тем, кто вместе с ней помогает распространению театральных билетов в «Мемориале»: «Турана Варжабегян смогла сделать так, что за это же время более 1000 человек посетили бесплатно музыкальные спектакли «Все о Золушке», «Времена не выбирают», «Растратчики» и др. Она смогла наладить контакт с Московской государственной консерваторией им. П.И.Чайковского и с вновь открывшимся Театром Наций. Ларису Решетникову хоро-

шо знают в Малом академическом театре и Театре Российской армии, Театре Луны и театре Камбуровой на Басманной. Благодаря дружбе Маргариты Манн с руководством Театра Ленком более 200 человек бесплатно посмотрели спектакли этого театра. Ей мы также обязаны бесплатными билетами в Театр Моссовета и за мизерную плату — в театр под руководством Николая Губенко. Дружим мы и с кукольным театром им. С.Образцова, с которым работает технический секретарь комиссии Татьяна Гурова. Тесная дружба нас связывает с театром Et Setega, где мы регулярно бываем по бесплатным приглашениям. Очень энергично работает с МХАТ им. Горького Любовь Романова. Много лет нашу театральную группу свя-

зывала дружба с Театром на Таганке под руководством Юрия Любимова, но, к сожалению, она прекратилась вскоре после его смерти.

Билеты мы распространяем среди тех, кто пострадал от репрессий, среди их детей и внуков. Все эти годы театральная группа ощущает поддержку «Международного Мемориала». Это подготовка печатных материалов и благодарственных писем в адрес театральных коллективов, с которыми мы сотрудничаем, оформление документов. Это и предоставление нам помещения для рабочих встреч. И я часто вспоминаю строки поэта Юлия Кима: «Театр, театр! Как много значат для нас порой твои слова! И разве может быть иначе? В театре жизнь всегда права!»

АВГУСТОВСКИЕ И СЕНТЯБРЬСКИЕ ХРОНИКИ

1920. Август

В Москве в Верховном революционном трибунале состоялся один из самых громких политических процессов времен Гражданской войны — суд над лидерами антикоммунистического подполья. Среди подсудимых были историк С.П.Мельгунов, общественный деятель С.Н.Трубецкой и другие. В обстановке эйфории от наступления Красной армии на Европу приговор был относительно мягким: никто не был приговорен к смертной казни. Большинство подсудимых, отбывавших лагерные сроки, в 1922 г. были высланы за границу.

16 августа

Наступление Красной армии на Варшаву провалилось. Контрудар польской армии, приведший к окружению советских войск, в польской историографии именуется «чудом на Висле». Это был крах идеи мировой революции.

1935. 20 августа

В Москве закрылся седьмой и последний конгресс Коминтерна, на котором был провозглашен курс на создание антифашистских народных фронтов. К участию в них приглашались все демократические партии. СССР придерживался этой политической линии 4 года — до августа 1939 г., когда был заключен пакт Молотова-Риббентропа.

1940. 4 августа

В Краслаге (лаготделение в пос. Нижний Ингаш Красноярского края) умер Абрам Рафаилович Гоц, один из лидеров партии эсеров. После Февральской революции 1917 г. он был членом исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, заместителем председателя ВЦИК первого созыва (июнь 1917 г.). После Октябрьской революции 1917 г. Гоц вел активную борьбу против советской власти. В 1922 г. он был осужден на процессе правых эсеров и приговорен (после помилования) к 5 годам заключения. После освобождения по амнистии в 1927 г. Гоц находился на хозяйственной работе. В 1937 г. он был арестован, а в 1939 г. приговорен к 25 годам лишения свободы.

20 августа

Один из вождей Октябрьской революции Лев Троцкий был смертельно ранен на вилле в окрестностях Мехико агентом НКВД Р.Меркадером. Он скончался на следующий день. Операция под кодовым названием «Утка», спланированная по личному указанию Сталина, готовилась более двух лет.

1945. 6, 9 августа

Японские города Хиросима и Нагасаки были полностью уничтожены в результате атомной бомбардировки, предпринятой США. Это было первое и единственное применение атомного оружия в военных целях. Жертвами атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, по разным данным, стали от 150 до 250 тысяч человек, а последствия взрывов продолжают сказываться на здоровье потомков выживших.

1960. август

Обострились советско-китайские отношения. Начался конфликт между двумя крупнейшими коммунистическими странами, который едва не привел к войне внутри коммунистического лагеря. Решением советского правительства тысячи советских специалистов,

работавших во всех отраслях народного хозяйства КНР, были отозваны на родину. В печати об этом не сообщили.

1965. 7 августа

В Москве умерла Фрида Абрамовна Вигдорова — педагог, журналист, писательница, автор записи процесса над Иосифом Бродским (1964 г.) — первого правозащитного текста Самиздата.

1970. 12 августа

СССР и ФРГ заключили договор, которым Западная Германия официально признала послевоенные границы СССР и Польши. Начался процесс разрядки между Востоком и Западом, который продлился 9 лет, до вторжения СССР в Афганистан.

1975. 1 августа

В г. Хельсинки (Финляндия) руководители 33 европейских государств, США и Канады подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Третий раздел акта («гуманитарная корзина») содержал минимальные стандарты прав человека и стал правовой базой Хельсинкского движения.

18 августа

В Москве умер один из основателей партии социалистов-революционеров Аркадий Иванович Альтовский. Он единственный после суда над руководителями социалистов-революционеров (1922 г.) пережил Сталина. Альтовский провёл в неволе 36 лет (1920–1956 гг.).

1980. 8, 11, 13, 26, 28, 29 августа

В СССР состоялась серия процессов над советскими инакомыслящими. В Москве были осуждены правозащитники Глеб Якунин и Татьяна Великанова, в Краснодаре — пресвитер христиан веры евангельской пятидесятников Николай Горетой, в Киеве — правозащитница Ольга Матусевич (Гейко), в Ровно — автор Самиздата Василий Барладяну, в Целинограде — политссылный, член Национальной объединенной партии Армении Размик Маркосян, в Вильнюсе — правозащитник Альгирдас Статкявичюс.

1990. 11–12 августа

В Ленинграде прошла первая официальная встреча бывших советских политзаключенных 1950–1980-х гг. В ней приняли участие более 200 человек.

13 августа

Президент СССР Горбачев издал указ «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 1920–1950-х годов». Впервые жертвами незаконных репрессий были признаны раскулаченные крестьяне. Однако указ не успел стать законом до распада СССР.

15 августа

В Нью-Йорке умер Борис Иосифович Шрагин — философ, искусствовед, общественный деятель. С начала 1960-х гг. он был активным участником правозащитного движения, его статьи распространялись в Самиздате. Борис Шрагин выступал в поддержку Юлиа Даниэля, Габриэля Суперфина, Андрея Дмитриевича Сахарова. С 1974 г. Шрагин жил в эмиграции в США.

Август

Президент СССР Горбачев своим указом возвратил советское гражданство 23 представителям третьей эмиграции: писателям Василию Аксенову, Георгию Владимову, Льву Копелеву, Ирине Ратушинской, Александру Солженицыну; художнику Оскару Рабину; правозащитникам Георгию Вину, Анатолию Корягину, Юрию Орлову, Миколу Руденко, Валерию Чалидзе и другим. Многие из них вернулись в Россию.

2000. 6 августа

В Москве умер поэт Анатолий Владимирович Жигулин, в юности участник молодежной подпольной группы (Воронеж, 1947–1949 гг.), узник сталинских лагерей (1949–1954 гг., Озерлаг, Берлаг), автор автобиографической повести «Черные камни» (1988 г.).

22 августа

В Анкаре (Турция) в эмиграции умер Абульфаз Гадиргулу Оглу Эльчибей (настоящая фамилия Алиев) — историк-востоковед, основатель подпольных групп, политзаключенный. В 1992 г. Эльчибей стал первым президентом независимого Азербайджана, но в 1993 г. был свергнут в результате переворота.

1920. сентябрь–октябрь

В Тамбовской и Воронежской губерниях разгорелось крестьянское восстание, возглавляемое А.С.Антоновым. Оно было вызвано массовым недовольством крестьян политикой продразверстки — изъятием большей части урожая. Советская власть сохранялась лишь в городах этих губерний. Восстание было жестоко подавлено, в том числе с использованием химического оружия.

1930. 24 сентября–2 октября

В Москве были расстреляны 42 сотрудника центральных продовольственных и финансовых учреждений, обвиненных в «организации голода». Они были реабилитированы 26 сентября 1957 г.

1940. 13 сентября

Было создано Главное управление лагерей гидротехнического строительства НКВД СССР. Управлению подчинялось до 200 тыс. заключенных. Оно руководило строительством Угличской и Рыбинской электростанций, Волго-Балтийского и Северо-Двинского каналов.

25 сентября

НКВД СССР организовал Безьянский ИТЛ. Этот лагерь поставил рабочую силу (до 90 тысяч заключенных) для строительства авиационных и моторных заводов в пригороде г. Куйбышева (Самара).

1945. 18 сентября

В Париже умер один из лидеров и теоретиков российского анархизма Всеволод Михайлович Эйхенбаум — бывший руководитель политотдела повстанческой армии Нестора Махно. В 1920–1922 гг. он находился в заключении, в 1922 г. был выслан из РСФСР. В годы Второй мировой войны Эйхенбаум был участником Сопротивления.

1950. 16 сентября

МВД СССР опубликовало приказ об организации Средазгидростроя для строительства Главного Туркменского канала, плотин и гидроэлектростанций в Каракумах. 10 тысяч заключенных Каракумского ИТЛ участвовали в этом строительстве. В марте 1953 г. строительство было признано нерентабельным и прекращено.

1955. 9 сентября

Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об амнистии лиц, сотрудничавших с немцами» (так называемая Аденуэровская амнистия). По словам А.Солженицына, это была «крупнейшая из всех политических амнистий после Октября». Она проводилась вместе с освобождением тысяч офицеров и солдат вермахта, отбывавших сроки по обвинению в военных преступлениях. Их возвращение в Германию было приурочено к первому визиту в СССР канцлера ФРГ К.Аденауэра.

1965. 4 сентября

В Киеве на премьерном показе фильма С.Параджанова «Тени забытых предков» писатели Иван Дзюба, Вячеслав Чорновил, Василь Стус, Михайлина Коцюбинская публично выступили против арестов в среде творческой интеллигенции Украины: в августе–сентябре 1965 г. были арестованы 25 инакомыслящих, среди них Иван Светличный, Валентин Мороз, Панас Заливаха, Богдан и Михаил Горыни, Михаил Осадчий.

8 и 12 сентября

Органы госбезопасности арестовали писателей Андрея Синявского и Юлиа Даниэля. Им предъявили обвинение в публикации за границей их художественных произведений. Андрей Синявский печатался под псевдонимом Абрам Терц, а Юлий Даниэль под псевдонимом Николай Аржак.

1970. 15 сентября

В Москве умер Юлиан Григорьевич Оксман — историк, филолог, узник сталинских лагерей (1936–1946 гг.). После освобождения одной из основных своих жизненных задач он считал «борьбу (пусть безнадежную) за разоблачение и изгнание из научных и литературных учреждений хотя бы наиболее гнусных из подручных палачей Ежова, Берии, Завоского, Рюмина и других». На научных и писательских собраниях, в зарубежных публикациях Оксман разоблачал доносчиков. В 1964 г.

Оксман был исключен из Союза писателей и уволен с работы.

1975. 24–26 сентября

Во Владимире состоялся суд над Владимиром Осиповым — бывшим политзаключенным, редактором самиздатовских журналов «Вече» и «Земля». Осипов был приговорен к 8 годам лагерей.

1980. 4–7, 16–18 сентября

Суд в Калинин (ныне Тверь) приговорил активиста Александра Огородникова, одного из руководителей Христианского семинара и редактора журнала «Община», к 6 годам лагерей и 5 годам ссылки. Спустя несколько дней там же состоялся суд над учеными Иосифом Дядькиным и Сергеем Горбачевым. Они обвинялись в изготовлении и распространении Самиздата (демографических работ Дядькина). Горбачев был приговорен к 2 годам лагерей, а Дядькин к 3 годам лагерей.

16 сентября

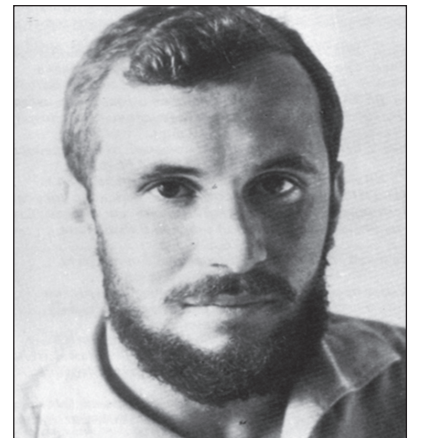
В Иерусалиме умер писатель Давид Дар — один из наставников литературной молодежи Ленинграда 1950–1960-х гг., автор Самиздата. Он выступал в защиту Иосифа Бродского и Александра Солженицына. В 1977 г. Давид Дар вернулся на историческую родину.

22–24 сентября

Вячеслав Бахмин — правозащитник, один из организаторов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях — был приговорен московским судом к 3 годам лагерей.

1985. 19 сентября

Московский городской суд приговорил экономиста и писателя Льва Тимофеева, с 1980 г. публиковавшего свои работы на Западе, к 6 годам лагерей и 5 годам ссылки.

1990. 9 сентября

В Подмосковье, на станции Семхоз был убит православный священник, религиозный просветитель, автор Самиздата Александр Мень. Он был одной из центральных фигур религиозного возрождения в период «перестройки». Убийство А.Меня до сих пор не раскрыто.

Фото из архива Вячеслава Бахмина.
Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»

Газета издается Информационным агентством MEMO.PY

Адрес: 127051 Москва, Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@ccknot.info

В подготовке номера принимал участие Я.З.Рачинский А.А.Макаров

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельичева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

ГАЗЕТА «30 ОКТЯБРЯ» ЗАРЕГИСТРИРОВАНА В МИНИСТЕРСТВЕ ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ И СРЕДСТВ МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ.
Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Август — сентябрь 2015. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»

119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 30. Тираж — 5000 экз. Распространяется бесплатно